Время перемен

Автор:
Константин Ежов

Время перемен

Константин Владимирович Ежов

Попаданец (АСТ)

Чтобы немного отвлечься от неудач в жизни и осенней хандры, тридцатилетний Кирилл в день своего рождения едет на рыбалку. Парень еще не знает, что случайная встреча со странным рыбаком полностью изменит его судьбу, на которую он так неосторожно пожаловался. Побеседовав с Петром Назаровичем и решив искупаться в холодной воде, Кирилл начинает тонуть, а очнется он совсем на другом берегу, в другом времени, в другом теле – в теле малолетнего царевича Ивана, сына властной Елены Глинской. Теперь он со всех сторон окружен хитрыми боярами и преданными царскими няньками, без которых шагу нельзя ступить, но природная любознательность и жажда великих свершений не дает покоя…

Станет ли этот «мальчик», обладающий внушительным багажом знаний взрослого человека из XXI века, тем самым Иваном Грозным, известным своей жестокостью? Покажет время!

Константин Владимирович Ежов

Время перемен

Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Константин Ежов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Был солнечный теплый день пятого сентября. Вчера был мой день рождения. Вот мне уже и тридцать. Только грустна моя жизнь. Хочется чего-то такого немыслимого, а есть лишь обычные тягучие и заполненные всякой мелочью дни. Даже вот не женат. Да и где найти хорошую и красивую жену? Вокруг только красивые стервы или хорошие и добрые, но страшные.

И вот я решил пару дней после дня рождения не выходить на работу и взял отгулы. С утра показалось хорошей идеей взять палатку и всяких продуктов да выехать с ночевкой на реку. Сижу теперь как дурак. И смакогон греется, и шашлыки стынут, а не тянет пить. Думал так: нажрусь как свинья, и отступит эта серая и унылая реальность. Нет, не подумайте, я не пьяница! Просто муторно на душе. Вот и сижу на раскладном стуле перед таким же столом.

На столе стоит запотевший стопарик чистейшей, как слеза, пока еще холодной, самогоночки, шашлычок на шампуре и огурчик свежий порезан, и помидорчик. Рядом речка и тишина. Картина должна бы радовать, ан нет.

Душа бунтует и противится: як тако возможно – пить одному, как последнему забулдыжнику! Душа требует общения. Ну где ей найти напарника? Негде.

Но зря я так думал. Буквально тут же на берегу нарисовался такой колоритный дедок с удочкой, с огромной, но аккуратно ухоженной бородой, серебристой от седины. Идет себе не спеша по берегу. А я тут, понимаешь, погибаю уже!

– Извините, что спрашиваю, – только и успел сказать.

– Да ты не извиняйся, милок, лучше говори.

– Э… Уважаемый.

– Ежели ты ко мне с уважением, так я завсегда рад помочь. Меня, кстати, Петром кличут.

– Э… Петр, вы о чем?

– Я про то, что пора уже наливать, а не лясы точить.

– А почему вы решили, что я вас приглашу?

– Я же вижу, ты человек с понятием. Вона как поляну накрыл, а сидишь один. По всему видно, не алкаш какой-то, да и на бомжа не похож. Значит, что?

– Что?

– Напарник тебе нужен, для беседы задушевной.

– Ну, Петр, не знаю, как по батюшке вас, ну, удивили. Присаживайтесь. С таким мудрым собеседником и поговорить не грех, ну и выпить заодно. Меня Кириллом зовут.

– Назарович я по батюшке. Наливай и мне. Хлопнем по рюмашечке.

Я не заставил себя ждать. Достал второй стопарик, да и налил по рубчик. В компании масть пошла, и хорошо пошла.

Помолчали мы маленько, да и повторили, а затем уж и разговор пошел.

– Вот смотрю я на тебя, Кирилл, и удивляюсь. Почто такой молодой здоровый, и здесь один и оказался?

– Да, понимаете, Петр Назарович, устал от будничной серости. А хочется сделать великое.

– Да надо ли тебе это великое? Вон, смотрю, кольца на руке нет. Лучше бы женился, детишек завел.

– Не встретил пока своей половинки. Хочется вот влюбиться, чтоб раз и навсегда. Да вот не сподобился.

– Ну а друзья как же?

– А что друзья? Друзья, как известно, познаются в беде. Вот и случилась однажды в моей жизни беда… Одним словом, нет у меня человека, которого я с чистой совестью назвал бы другом.

– Да… Эк тебя жизнь-то потрепала! А вот придет к тебе приключение и великое, не спужашся?

– Да я, бать, не из робкого десятка, только где оно немыслимое.

– Все-то вам, молодым, весь мир перевернуть. Нет чтобы подумать! Если очень хочешь, может, что и исполнится. Ладно, бывай.

Я и не заметил, как за степенным разговором завечерело. Хоть и выпили мы на двоих немного, но меня на солнце совсем развезло. Чтобы хоть как-то освежиться и развеять хмель, решил искупнуться.

Прямо с берега и нырнул в реку щучкой. Вода неожиданно оказалась обжигающе ледяной. Все тело охватила судорога, и я бессильно стал тонуть. Хуже всего было то, что был на берегу-то один, и спасти меня просто было некому. Если и хватятся меня, то только завтра.

На какое-то мгновение я потерял сознание. Оно вернулось ко мне, когда в легкие попала вода, и мою грудь от этого стало буквально разрывать. Вдруг чьи-то сильные руки схватили меня и потащили наверх.

«Это, наверное, Петр Назарович вернулся».

Сколько же радости было от этой мысли – от мысли, что хоть кому-то на этом свете, хоть чуть-чуть еще нужен! Как же блаженен был вдох, который я сделал, когда меня вытащили на поверхность!

Глава 1

Тащил меня какой-то бородатый мужик огромного роста. Что за путешествие Гулливера в России? Почему он такой гигантский? Таких же не бывает! Я где вообще? Попытался извернуться и посмотреть на берег. Это удалось, отчего мне поплохело… Это был чужой берег. Где палатка? Кто сожрал шашлык?!

В этот момент я увидел березы. Самые обыкновенные березы. Вот тогда до меня дошло. Это не мужик был большой, а я маленький. Более того, я был трезв. «Прочистил мозги, называется», – пронеслась мысль.

По берегу бегала куча народу. Какой-то мужик причитал. Бабы так вообще голосили. Вся эта толпа хаотично передвигалась из стороны в сторону. Я видел, как мужику, вытаскивающему меня, дают какие-то советы. По-каковски говорят, было не понятно.

Чьи-то сильные руки подхватили и вытащили. Меня начало колотить. Тут же кто-то стал укутывать, но все равно зуб на зуб не попадал.

«Господи, да где же я? Куда меня занесло? Кто это вокруг? Почему я маленький?!»

Я попытался спросить, но из уст вырвался только вопль. Тут-то и упала адреналиновая волна. В глазах потемнело, и я провалился в краткое забвение.

Когда же очнулся, мы уже куда-то ехали. Я толком не мог даже пошевелиться. Все мои рефлексы были рефлексами взрослого человека. Управлять же мне нужно было детским телом. По этой же причине не получалось толком говорить. От бессилия я разревелся, как сопливый мальчишка, кем, собственно, и был.

Плачь не плачь, а мысль о том, что надо все-таки определиться, где нахожусь, помогла собраться. Да и собственно, кем я стал? Сколько же мне лет?

Стал прислушиваться к разговору. Редкие фразы были отдаленно похожи на русский. «Точно, это же русский! Только старый», – понял я. Это в какие же времена так говорили? Лингвистом я не был и не мог догадаться по речи, в какое время меня занесло. Может, это сектанты какие, а время наше? Тогда почему я маленький?

Мы въехали в какую-то деревушку. Окружающие назвали ее почему-то Москва. Гонят, наверное. Что я, в Москве не был? А может, это и правда Москва, только старая – ну, до того… до чего, не смог придумать. Одно слово, запутался в своих мыслях!

«Должно же быть хоть что-то узнаваемое!» – с тоской подумал я.

Сначала мы преодолели ров с водой и проехали земляной вал. Было видно, что на месте земляного вала уже начали возводить кирпичные стены. Частично они даже его заменили. Странное зрелище. Новые укрепления уже строятся, а старые еще не снесены. Жизнь явно кипела в этом городе.

Что-то смутное забрезжило в памяти, когда я увидел крепость из красного кирпича. Чем-то она походила на московский Кремль, только вот башни были не остроконечные. Соответственно, не то что звезд не было, даже перспектив орлов не наблюдалось. Башни были покрыты простым деревянным шатром.

«Может, в какую параллельную реальность попал», – тут же подумал я. В пользу этой версии говорило отсутствие Красной площади. Там, где она вроде должна была быть, был глубокий ров, заполненный водой. Попасть в эту крепость можно было только по подъемным мостам проездных башен.

Весь вид у крепости скорее был суровым, а не открыточным, как у московского Кремля. Однако она не имела угрюмого вида, как многие европейские замки,

благодаря своим новым храмам с блестящими главами и нарядным дворцовым палатам с пестрыми кровлями, живописно поднимавшимися за укреплениями.

Весь наш немаленький караван проследовал к каменным палатам. Из них выбежали еще люди, и поднялась безумная суета. Меня подхватили и куда-то потащили. Кто-то все время причитал, и наконец меня внесли в какие-то покои. Тут же появился какой-то мужчина, по виду иностранец, который стал ощупывать мое тело. «Что я ему, девка! Чего меня щупать!» – хотел возмутиться я, но только опять промычал что-то нечленораздельное. «Может, это доктор? Тогда ладно, пущай!» – с грустью подумал я.

По словам доктора, великий князь был здоров. Только слегка не в себе, но это пройдет, и он снова заговорит. Эх, мне бы его уверенность!

В палату ворвалась какая-то красивая и стройная женщина. Все вмиг перед нею расступились. Быстрым шагом приблизившись ко мне, она порывистым движением опустилась на колени и заглянула мне в глаза.

По-видимому, найдя в них то, что искала, крепко прижала меня к своей груди. Если вы помните ощущение от прикосновения своей матери, вы поймете, что я испытал в тот момент. Это была она, моя мама. Я расплакался от охватившего меня счастья.

В последующие дни я наконец узнал, кем оказался. Моей матерью была Елена Глинская, а я, соответственно, был ее сыном, и звали меня Иван, Иван IV, но еще далеко не Грозный, а совсем еще ребенок, пяти лет от роду. Попал я в этот мир 26 августа 1535 года от Рождества Христова по юлианскому календарю. Мы с будущим царем родились в один день, подозреваю, что и в один час, только через столетия.

Ох, Петр! Ох, Назаров сын… Чуяло мое сердце неладное еще тогда! Не обошлось здесь без него. Только вот беда – что я мог теперь сделать? Ведь сам просил немыслимое! Ведь сам хотел свершить великое! Получите и распишитесь…

Думал ли, что так случится, когда трепался языком? Будьте бдительны! Если вдруг встретите этого проходимца, передайте привет ему от теперь уже Ивана, сына Василия. Эх, да погорячей бы, но уж как сможете!

Город был действительно Москвой, но как же она не походила на ту, которую знал!

Интересно, я оказался в прошлом своей страны или все-таки в другом мире? Кто бы мне сказал…

С одной стороны, конечно, мне повезло. Сильно ли вы обратите внимание на поведение пятилетнего ребенка? Тут еще на детский испуг можно списать все несуразности. Даже то, что мне пришлось почти заново учиться ходить, привыкать говорить по-здешнему…

Больше всего проблем доставляло то, что я поначалу никого не знал. А правила поведения вообще были как темный лес.

По мере того, как начинал помаленьку общаться, все больше узнавал про окружающий мир. Понятно, что меня всерьез не воспринимали, но если чего спрашивал, рассказывали. Поначалу, правда, больше сочувственно поглядывали. А, вот, заговорил и вроде как ничего.

Больше всего доставали всякие мамки и опекуны. Нигде от них покоя не было. Хотелось побегать и поиграть. Фигушки! «Великому князю невместно сие поведение»… Тьфу! Ну какое тут детство?

Хуже всего, когда опекунам просто лень куда-нибудь идти. Тысячу причин придумают, почему мне это нельзя. Гады!

Как бы не ставили палки в колеса, я узнавал много всего интересного. Сколько же про Кремль выяснил! Оказывается, укрепляя Кремль, итальянские зодчие использовали и весь опыт римских фортификаторов. Стены и башни располагались по заветам хитроумного Витрувия: «Надо, чтобы башни прерывали ход по стенам; если неприятель завладеет одной частью стены, остальные были бы от него отрезаны». Каждая башня являлась самостоятельной крепостью: отняв приставную лестницу, гарнизон наглухо замыкался в каменной ограде, но в случае необходимости мог скрыться потайными ходами. Круглые башни, если их заполнить землей, оказывали громадное сопротивление снарядам. Кроме того, у них нельзя было разрушить углы, как в квадратных башнях.

А вот о том, что иностранные «муроли» (архитекторы), прежде чем приступить к работам, должны были поездить по другим городам, чтобы познакомиться с русским зодчеством, я и не догадывался.

Китай-город называли так не потому, что там китайцев много жило, и к Китаю он никакого отношения не имел: ведь в давние времена это государство именовалось Катай (степи Монголии, северный Китай) или Чина (современный Южный Китай).

Название района происходило от старого слова «кита», то есть вязка жердей, которые применялись при постройке укреплений, вот так-то. Тот самый земляной вал, а я-то думал!

Вообще, вся оборона Москвы опиралась на московский Кремль. Он представлял собой систему надежных и сильно вооруженных башен, контролирующих окружающее пространство. Стены идут с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому с каждой стрельницы во время осадного боя можно было наблюдать за положением на соседних башнях и своевременно оказывать им помощь.

Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели хитро расположенные друг над другом амбразуры. Приспособленные для верхнего, среднего и нижнего боя, они располагались так, что никто не мог укрыться, притаившись у стены, или скрытно подобраться к ней. Сверх того были устроены и навесные бойницы, а наверху башни заканчивались боевыми площадками, прикрытыми деревянными навесами, что придавало им еще более суровый вид.

Под стенами, башнями, храмами и другими постройками нового Кремля были устроены подземные ходы и водоемы, сводчатые погреба и кладовые для хранения пороха, оружия и других запасов.

Загадка исчезновения Красной площади разрешилась еще проще. Ее еще не построили! Не было и собора Василия Блаженного. Его я как-то еще не успел построить. Вот мать его ити! И как быть? Строить мне его или нет? Красивый, зараза! Построю, однако, – как вырасту, конечно.

Когда в Кремле завершились каменные работы, в 1508 году итальянский мастер Алевиз Фрязин поднял шлюз на реке Неглинной, и бурный поток наполнил ров, прорезавший всю будущую Красную площадь, не названную еще даже Пожаром, от Неглинной до Москвы-реки. Кремль, окруженный с трех сторон водной преградой (Москва-река, Неглинная и ров на пустыре, часть которого в дальнейшем назовут Красной площадью), стал возвышаться как неприступный замок на острове.

Вот через этот ров мы и переезжали, чтобы попасть в Кремль. Вид, кстати, был весьма живописный. Может, устроить Красную площадь так, чтобы сохранить ров? Вот не было печали!

Строящуюся стену, которую мы наблюдали, начали строить этой весной. 16 мая 1535 года состоялась торжественная закладка ее из камня, причем первый камень в фундамент заложил митрополит Даниил. Строительством стены руководил итальянец Петрок Малый Фрязин, который возводил ее по последнему слову тогдашней фортификационной науки, с учетом развившейся артиллерии, что особо бросается в глаза при сравнении с кремлевскими укреплениями: стены Китай-города были ниже, но зато толще, с площадками, рассчитанными на орудийные лафеты.

Эта стена должна была заменить старые укрепления и стать оградой Китай-города. Собственно, предыдущие были сооружены весной 1534 года, причем в работе участвовали все москвичи, кроме наиболее знатных и видных.

Они в свою очередь заменили обветшавшие и ограждавшие меньшую площадь укрепления, сооруженные в 1394 году, когда в ожидании нашествия Тамерлана вокруг посада стали спешно рыть ров по линии нынешних Большого – Черкасского – Владимирского – Псковского переулков. На протяжении более чем столетия он был единственной защитой посада.

Остальная Москва представляла собой довольно жалкое зрелище. Сплошь деревянная, она постоянно страдала от пожаров и вновь отстраивалась.

Я не был историком и поэтому не мог понять, было ли это в моей истории. По мне так это не важно. Здесь и сейчас вершилась история, то, каким быть государству Российскому.

На самом деле Иван Грозный наделал делов. Хотя, по большому счету, только Ливонская война была ошибкой. Вернее, не сама война, а наши военные амбиции.

Получалось, что мне нужно было оказаться по крайней мере не хуже него. Эх, руки зачесались! Ух я им! Но пока мне – несется отовсюду – невместно такое. Да что же это! Как от этих всех нянек избавиться, ну или хотя бы сократить их число?

Вот в Кремль возвращаться никогда не хотелось. Атмосфера интриг и подковерной борьбы бойцовских бульдогов, там не выветривалась. Борьба за власть не прекращалась ни на минуту. Схватки возникали по любому поводу, даже по самому незначительному. Никто не хотел уступать.

Ладно бы в открытую ругались, ан нет. Все чинно и степенно, а посмотришь, да перекрестишься. Потом, чисто для пользы для, прихватишь ножичек. Вдруг сподобится ближнему своему поднять содержание железа в крови, ножичком в спину.

Вот так степенно, за учебой, в атмосфере постоянных интриг и прошел еще год. Был уже 1536 год. Сегодня мне исполнилось шесть лет. Бездеятельность угнетала. Нужно было что-то делать с этим. Как же хотелось хоть каплю самостоятельности! В Москве ее не дадут. Тут я вообще аргумент в борьбе за власть. Причем все думают, что именно они знают, что для меня лучше. Валить надо отсюда, да побыстрее. Какой бы предлог-то придумать, чтобы не развалился о слова, что маленький еще?

Что делать, без одобрения матери ничего не получится. Пристал я к ней и стал канючить. Отпусти, мол, в Коломенское. Поиграться бы мне, а тут только эти бирюки из знатных родов.

– Тебе учиться надо. Да и невместно великому князю с простолюдинами якшаться. Учись быть с ближними своими слугами.

– Мам, ну мам, я учиться и там могу. Ко мне ведь и боярских детей прислать можно. Только не родовитых, чтоб не мерились, кто из них родовитей и на что имеет больше прав, а лучше осиротевших. Заодно их родам поможем. Они совсем не безродные, а если они со мной учиться тоже будут, так совсем

хорошо. Играть будем вместе, ну и учиться.

– Вот это «ну и учиться» меня и смущает. Вдруг распустят тебя там без пригляда, аль вообще непотребствам учить будут!

– Так недалеко ведь. Завсегда приехать можно. Еще, мам, мне бы придумки какие сделать.

– Так скажешь, сделают.

– Вдруг дорого будет, или мастер какой нужен, а может, куда съездить захочется.

– Ты великий князь. Будет у тебя казна. А вот о том, чтобы съездить, забудь.

– Мам, ну можно? С охраной.

– Вообще, что я тут с тобой разговариваю? Марш к себе! Ишь чего удумал! Играться ему охота!

Я же от бессилия расплакался и ухватился за подол матери.

– Мам, ну пожалуйста! Мам, я очень тебя люблю. Я буду тебя слушаться.

– Ну что с ним делать? Запомни, сынок: мужчины не плачут. Ты у меня кто? Правильно, мужчина, но еще и великий князь. Что подумают, когда увидят тебя плачущего?

– Я больше не буду. Честно-пречестно. Никогда больше. Только не умирай, МАМ. Не оставляй меня, – сказал я, вдруг вспомнив, что недолго она еще будет править.

– Что ты такое говоришь, сынок! – с этими словами она опустилась на колени и, плача, стала целовать мое лицо.

Вот так детские слезы и не вовремя сказанные слова сделали свое дело.

Глава 2

Прошло уже два года. Мне на прошлой неделе стукнуло уже восемь лет. Казалось бы, прошло уже много времени. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Это я по наивности думал, что вот съеду с Москвы – и все, свобода, делай что хочешь. Ан нет, всяких нянек только больше стало. Еще и соглядатаи, от видных боярских родов. Вдруг здесь чего удумают, и без них! Детей из осиротевших родов почитай и не было. Вместо них бояре натолкали княжеских детишек, да из родов познатнее.

– Ты куда прешь! Сначала старшие идут, затем младшие, все по счету.

– Это вы-то, Жеря, старшие? Да ни в жисть! Мы, Велико-Гагенские, ничуть не ниже вас. Это вы вон Двишнекову говорите.

Диалог почти стандартный, каждодневный. Ругаются, кстати, не малолетние князья, а их няньки. Первые двое – из старшей ветви потомства Владимира Мономаха. А вот третий как раз из сирот, откуда-то с Рязанщины. Ей-богу, будь моя воля, опричнина прямо тут бы и началась. Вот не думал, что в шесть лет стану так ненавидеть!

– Я сказал – без мест, – вмешался в очередной раз я.

Нет, меня, конечно, не послали, пусть бы только попробовали, но поморщились сильно. А вот на моих нянек посмотрели как на врагов: почто-де, мол, ничему толковому меня не учат? Мои же делали вид, что их сии приземленные материи не касаются. Как всегда, княжеских нянек такое положение дел не устроило.

– Смилостивись, государь! Как можно без мест! Это же поругание всех наших традиций!

– Молча: сказано без мест, значит без мест. И не будет от такого никому поругания, и тем более всему роду.

– Государь, как же так? Не было такого испокон веку. Деды наши жили по счету, отцы, и нам заповедовали.

Нет, ну как вот с такими разговаривать? Им что в лоб, что по лбу. Честно, не виноват я, не выдержал, схватил какую-то корягу и давай дубасить этого умника, да и вообще всех кто попадался. Был бы постарше, без увечных бы не обошлось. А так скорее для острастки получилось. Может, это ничем бы не закончилось и я так бы и остался в положении загнанного волка, но бог милостив: как-то все это дошло до матери. Эффект был как от бензина, подлитого в костер. Боярин Хохолков-Ростовский попал в опалу. За что, я, даже повзрослев, так и не понял. Пожил он еще недолго и умер в середине октября. Вроде бы своей смертью, во всяком случае, даже слухов об его убийстве не было. Обеих нянек, вызвавших великокняжеский гнев, посадили на кол. Обвинили их в покушении на великого князя Московского. Это сейчас не понять, но тогда это было почище святотатства.

Окружение вмиг изменилось. Моя жизнь стала хоть отчасти похожа на нормальное детство. Наконец-то вокруг меня оказались осиротевшие отроки из дворянских родов, по-тутошнему княжат и детей боярских, без своих наставников. Почти два десятка. Первое время играть у нас никак не получалось. Робели они страшно при моем виде. Не знаю уж, чего им там наговорили, но подозреваю, что ничего ободряющего. Няньки у них все равно были, но мне на глаза они старались не попадаться.

Быстрее всех к общению с великим князем привыкли трое с Рязанщины, по какой-то прихоти судьбы допущенные ко мне еще с княжескими детьми: Косма Двишнеков, Шарап Матюков и Семой Бородавкин. Я вообще-то никогда не отличался хорошей памятью на имена, но столь непривычные запомнил. Многое приходилось запоминать. До сих пор слова не все мог вспомнить, периодически запинаясь, но дело налаживалось.

– Бедняжка, опять чего-то лопочет!

– Вот ведь, и не говори!

Частенько слышал сочувственный разговор. И ведь особо и не скрывались, похоже, меня по-прежнему считали не совсем в себе, если учесть, сколько оговаривался (это я понимал, что оговаривался, окружающие считали это за

бессмысленные звуки).

Собственно, после того происшествия я перестал исполнять роль великого князя. Во-первых, говорил до сих пор не совсем свободно. Во-вторых, только несколько месяцев, как стал двигаться более или менее нормально. В-третьих, до сих пор дичился привычных здесь обычаев.

– Разговаривать надо приняв горделивую осанку и глядя на собеседника с достоинством. Тьфу! Да не как будто к столбу привязанным. Вот, уже лучше! На что великий князь так таращится? Что?! Это взгляд с достоинством? Так смотрят, когда чего съели, а теперь срочно до «ветру» бежать надо. Убивать взглядом тоже никого не надо! Нет моих больше сил!

– Прохор, ты куда это пошел, а ну вернись!

– Тая, ей-богу, отстань. Если бы не его матушка, плюнул бы уже и ушел.

Это я сначала думал, что проходу няньки не дают, а сейчас стал понимать, что на самом деле меня учат привычному, а значит, правильному, по местным меркам, поведению великого князя. Учили меня правильному поведению упорно, но так, чтобы без чужих глаз. Лишние пересуды никому были не нужны. И так по Москве пошла череда слухов после того происшествия. Не один молебен был отслужен во здравие великого князя Московского Ивана IV Васильевича. Но самым странным во всей учебе было то, что в принципе я мог приказать все что угодно, это-то и пугало меня больше всего.

Мои выкрутасы в поведении списывали на болезнь. Не знаю, рассчитывали ли окружающие, что стану нормальным, но мать точно надеялась на это. Может, это было одной из причин, по которой я оказался все-таки здесь, в Коломенском, а не только то, что уговорил Елену Глинскую.

– Говори, Прохор, как есть, ничего не утаивай!

– Матушка государыня, Иван, сын твой, совсем не блаженный. Позабыл он тогда очень многое, но хочет вновь узнать. Изменился он, охочим до всяких всякостей стал. Как будто повзрослел вдруг и сам напугался этого, а сейчас хочет найти, зачем оно ему нужно.

– Ты чего несешь, ему же всего шесть годков исполнилось. С чего ему взрослеть?

– Не гневайся, матушка. Говорю я как чувствую. Не все и объяснить-то могу. Он же весь Кремль облазил, несмотря на все мои запреты. И раньше-то интересовался многим, но не так упорно. А сколько раз уже ездил на строительство стены. Бедный Петрок уже как завидит великокняжеские сани, прятаться стал. Сын ваш как пристанет, что да как, зачем дубовые столбы в ров вбивают, а почто камня так много насыпают. С кирпичом так вообще замордовал.

– Прямо-таки замордовал? – с гордостью в голосе спросила Глинская.

– Истинно так! И почто такие размеры у него, а не другие, и как его делать, и почему он красный. Потом же заявил, что, мол, построит завод кирпичный лучшее этого мастера заморского. Да какой он заморский, какое колено уже у нас живет!

– Прямо так и заявил?

– Да чтоб мне провалиться на месте! Я и икону целовать на том буду. Да вы, матушка, Фрязина самого расспросите. Ему бы каких розмыслов в помощь. Мы же не все ему и объяснить-то можем. Сошлешься на божий промысел, а он только гневаться начинает. А однажды так и вообще заявил: «Бог нам дал разум для того, чтобы мы могли постичь его замыслы, а не для удивления их непостижимостью».

– Что?! Так и сказал?

– Слукавил, матушка, простите, не со зла. Говорил он много больше, это я подсократил малость. Путался и сбивался много. Не хватает ему еще слов, чтобы сказать все, что хочет, оттого, наверно, и тяга к книгам великая. Замучил уже, требуя научить читать.

– Ну что, Иван, сможем бояр в узде удержать, ежели я сына своего в Коломенское отправлю, как он просит?

– Заговор начнут плести. Как бы чего не придумали. Хотя явно выступать не станут. Может, лучше его в Александрову слободу? – ответил ей Овчина Телепнев-Оболенский.

– Нет, туда не стоит! Там все будут напоминать ему об отце.

Так что тогда я действительно был в своем праве, приказав «без мест». Только одно но: не воспринимали мои приказы серьезно. Решительные действия моей матери в буквальном смысле заставили окружающих прислушиваться ко мне.

Вот так и стали играть вместе:

– Прошка, пинай давай! Да не Семена, а по мячу.

Учиться вместе:

– Вот ответь мне, отрок Лука, сколько золотников в одном пуде? Чего уставился на меня, как на икону Божьей Матери?

Ну и проказничать…

– Натягивай.

– … … … окаянные, веревку натянули.

– Ходу, быстрей, быстрей!

Не сразу, конечно, стали. Поначалу учителя и наставники пытались во все вмешиваться.

– Это что еще за непотребство?! Чего это вы там пинать взялись, а?!

Однако мое положение имело и свои плюсы.

– Это не непотребство, а игра такая. И пинаем мы не что, а мяч, штука такая, специально для того и сделанная, чтобы его пинать.

Тем более, мать стала поддерживать весьма активно.

– Ты, Михайло, организуешь очередь службы охранной стражи подле великого князя в Коломенском. Смотри там, чтобы заговор против него никто не удумал, да укорачивай самых дерзких. Будешь теперь ты воеводой при нем.

– Все исполню, государыня-матушка! – ответил ей теперь уже воевода Венюков.

Жизнь, царившая в Московском государстве, была ей все-таки чужда. В Литовском государстве было гораздо свободнее. Возможно, она хотела воспитать меня другим, не таким зацикленным на традициях.

Во всяком случае, образование мне давали по тем временам самое лучшее. Понанимали всяких иностранных учителей. Где столько проходимцев только нашли! Нет, знали они свою службу туго, но работа их явно тяготила, а потому особо не напрягались. Поэтому постоянные мои вопросы – а почто это так или то не эдак – воспринимали как провокацию и призыв к бунту.

– Прохор, вот ты хотя бы на великого князя повлияй.

– На то он и великий князь, чтобы повлиять на него нельзя было! Чего приключилось-то?

– На уроке вцепился в меня как клещ и не отпускал, а ведь еще и других учить надо.

– Тебя нанимали, чтобы ты про дальние страны рассказывал. В первую очередь Ивану, а остальным как получится. Так это и хорошо, что интересуется.

– Но не весь день же кряду! Без обеда ведь оставил, да и ужин холодным есть пришлось. Насилу уговорили прерваться, и то не я, а другие ученики.

– Ты не ропщи, а то не посмотрим, что литвин, сразу вспомним, что русский!

Попробовал что-нибудь из игр в мяч. Мяч получился не очень, да и не совсем круглый. Пинался плохо. Придумали всей толпой, что-то вроде регби. Правил я не знал, но у нас энтузиазма было море. Больше походило на упорядоченную драку, но нам было плевать.

– Вперед, ворота будут наши.

– Ура!!!

– Держите их!

– Ах ты, гад! Получай!

– Наших бьют!

– Да брось ты мяч! Ааа…

Не плевать было наставникам. После того как мне в игре подбили глаз и разодрали ухо, они призвали в судьи Елену Глинскую. Мамке моей наябедничали, гады. Она не стала заставлять себя ждать: явилась очень быстро. Даже я спугнулся. Для нее я просто сын. Всыпет и спрашивать не станет. Но больше беспокоился, как бы моим товарищам не досталось. С них могли спросить, по полной.

– Ма-ма-а-а!!! – с этим криком я повис у нее на шее.

Больше ничего в голову вот так сразу не пришло. Ну, не учился я в театральном и системы Станиславского, да и никакой другой не знал. Поначалу она, конечно, меня прижала, но быстро справилась с порывом. Потом же, отодвинув немного, нахмурившись, уставилась на мой фингал.

Под этим взглядом я сам стал его ощупывать.

– Ой! – невольно вырвалось у меня.

От прикосновений было больно. При виде всего этого на ее лице стал проявляться гнев.

– Мам, не гневайся, это так, случайно вышло! Правда-правда.

– Случайно или нет, это я у твоего воеводы узнаю.

И со значением так посмотрела на Венюкова. Видно было, как ему неуютно стало под этим взглядом.

– А теперь займемся вами, – все с той же угрозой в голосе она обратилась к моим нянькам, которые уже нарисовались во дворе. – Во что это великий князь одет? Вы что же, считаете, что он в этих тряпках ходить должен!

И не тряпки это вовсе были, таких вещей на детях вокруг не было. Одни материалы, из которых все пошили для меня, чего стоили! Ну невозможно было нормально ходить, а уж тем более играться в том, что должен был носить великий князь!

– Мам, это я приказал. Но одежка пошита из самой лучшей ткани, какую сыскать смогли.

В ответ она только посмотрела на меня, но так, что мороз по коже побежал. Так что я решил не развивать тему дальше, во избежание, как говорится. Но теперь ее внимание вновь переключилось на меня. То, что моя матушка была не в духе, было видно по старавшейся рассеяться свите. На глаза ей попадаться не рвались.

«Вот дурак! Ну зачем полез под пулеметы!» – пронеслось у меня в голове, но изменить уже ничего было нельзя.

– Разве так должно вести себя великому князю? – начала наставлять она.

Это мы уже проходили. Так что я быстренько принял горделивую осанку да сделал морду лица тяпкой. Эти мои преобразования не прошли для Глинской незаметными. Наставления прекратились. Дальше, как и положено, все пошли уже за мной, со всеми протокольными действиями. Эх! Но все равно заметил мелькнувший ее кулак.

Как сказали бы у нас, оргвыводы сделали немедленно. Слава богу, никого на кол не посадили и даже голову не отрубили. Вот наставников добавилось, чтобы нам, значит, баловством заниматься было некогда.

Появилась пара престарелых воевод, рассказывавших нам о битвах, в которых они приняли участие. Периодически они сменялись, а взамен прибывали другие, из другого края, с новыми историями. Сколько же, оказывается, мы воевали! Почитай, непрерывно. Ежели не здесь, так в другом месте обязательно. Несмотря на перемирие с Литвой, столкновения не прекращаются ни на минуту, только затихают периодически.

Также добавились двое из охранной стражи, Иван и Прокопий Терентьевы, – как сейчас бы сказали, наставники по боевым искусствам. Может, мечный бой и был на Руси не развит, что, кстати, не удивительно, от пули все равно не увернешься, но помахать руками и ногами желающих и умеющих хоть отбавляй. Нам только в радость. Были они братьями, двоюродными.

Сейчас вспоминаю свою обретенную в этом мире мать с грустью. Много она сделала для нашей страны, даже вот за этот небольшой промежуток времени. С 1536-го по приказу Глинской начали отстраивать и укреплять города: Владимир, Тверь, Ярославль, Вологда, Кострома, Пронск, Балахна, Стародуб, позднее – Любим и города на западных границах (защита от литовских войск), южных (от крымских татар) и восточных (от казанских татар: в частности, заложены города Темников и Буйгород).

Хотя это был вынужденный шаг, она фактически ввела единую валюту на территории Руси. Дефицит наличности был настолько велик, что мошенники откликнулись огромнейшим увеличением предложения. Не помогали никакие карательные меры. Экономика нуждалась в резком притоке наличности, а этого не было. Все это привело к сильнейшему вздорожанию денег и падению цен на товары. Резаные монеты заполонили страну. В этих условиях было принято решение о введении новой монеты значительно меньшего веса. Решение довольно оригинальное, в смысле защиты от подделок. Все просто: обрезать с такой монеты толком и нечего. Название она получила по чеканке всадника с копьем, пронзающего змия, на одной из сторон. Эта была серебряная копейка весом 0,68 грамма; одна четвертая часть копейки – полушка. С гривнами их и не сравнить. Сделан весомый шаг для стабилизации экономики Руси, поскольку появились мелкие монеты, и это хоть немного позволило отказаться от бартера, особенно при небольших сделках. Ликвидировались права удельных князей на

чеканку собственной монеты.

Началась и реорганизация местного самоуправления («губная реформа»): Елена распорядилась изымать дела из ведения наместников и передавать губным старостам и «излюбленным головам», подчиненным Боярской думе, поскольку наместники, как ей докладывали, были «свирепы, аки львове». Систематического характера эти реформы так и не приняли, хотя страна очень нуждалась в них, а затем ее смерть поставила крест на самой возможности продолжения преобразований. На долгие годы ситуация была заморожена.

Были и сомнительные успехи. Я так подозревал, что в войне с Литвой 1534–1537 годов мы лишь реагировали на действия литвинов по причине ее родственных связей с Гедиминовичами. Подозрения к делу не подошьешь, как говорится. При этом за подобное же поведение Ивана Бельского, но по отношению к Казани, посадили, хотя там еще его родственник отметился. В семье не без урода. Семион Бельский и Ляцкий переметнулись на литовскую сторону. Это вызвало волну арестов среди князей литовского происхождения. Но хоть не убивали, и то ладно.

Кстати, среди них оказался и ее дядя, Михаил Глинский. Там, правда, история темная. Вроде как он недоволен был связью Глинской с Овчиной-Телепневым-Оболенским. Но думается мне, что недоволен он был не связью, а тем, что до власти не допустили. Хотя отношения с Овчиной-Телепневым-Оболенским подрывали позиции регентши необычайно. Не того ожидали от вдовы великого князя и матери нынешнего.

Собственно, война, впоследствии названая Стародубской, началась с того, что литвины сами себя запугали до дрожи в коленках неминуемым нападением Москвы. Делать нам нечего, только на них нападать! Смоленское взятие дорого Руси обошлось, и пока продолжать войну с нашей стороны никто и не планировал. А вот среди литвинов ходили упорные слухи о готовящемся нападении то там то сям. К примеру, де мы хотели на Киев напасть.

Все проще: рыльце-то у них было в пушку. Постоянные их набеги на наши пределы, естественно, вызывали ответные действия приграничных воевод. А деваться литвинам было некуда. Бежали черносошцы от них к нам. Гнобили они их нещадно – а на что еще вести разгульную жизнь шляхте, только выжимать последние соки из податных сословий. Потому и утекали от них, сломя голову. Вот чтобы как-то восполнить эти потери, и лезли они к нам и уводили русских в

полон. Естественно, мы не могли такого стерпеть и ходили в ответку, освобождать.

Все это сопровождалось постоянными протестами сторон на беззаконие, чинимое противной. Вот и боялись, что терпение у Москвы однажды лопнет и мы вновь пойдем на них войной.

Мы, как всегда, оказались не готовы к войне, несмотря даже на информацию о ее подготовке. По старинке надеялись на русский авось или разум противников, хотя в нашем случае это было одно и то же. Когда речь заходит про Русь, у них крышу сносит окончательно. И вот, пока мордасами в грязи не искупаешь, да по самые уши, разум в их подставки под шапки и шлемы никак не возвращается.

Как ни странно, литвины еще меньше были готовы. Но гуси, как говорится, улетели окончательно, и потому в общем-то небольшие разногласия в московских верхах там решили считать смутой. Ну очень им хотелось этого, а тут наши перебежчики давай басни плести, да как раз те, которые хотели услышать. В общем, нашли друг друга два одиночества.

Полгода, а то как бы и не больше собирали всей Литвой тысяч 20 или 30. Не помогали даже угрозы Сигизмунда. В собранном войске царил такой разброд, что даже нам не снился. Одно слово, воевать таким войском было невозможно, и тогда они решили хотя бы кровь посворачивать московитам. Это им, однако, удалось, даже несмотря на то, что и так небольшое войско разделилось на три части. Урон был нанесен серьезный.

А что в Москве? А ничего. Несмотря на, казалось бы, удачную внешнеполитическую обстановку и наличие войск – собрано было порядка 120–150 тысяч человек, воевать мы так и не стали. Решили ограничиться грабежом, чтобы муторно литвинам сделалось. Может, тогда, мол, разум вернется к ним и как-нибудь замиримся. Великое княжество Литовское подверглось разграблению вплоть до самого Вильно. Подозреваю, что именно под влиянием Глинской не стали захватывать крепости. В общем, вот так бездарно была закончена военная компания 1534-го и начала 1535 года. Больше нам обстановка так не благоприятствовала, а супостаты, однако, свою затею не бросили.

Дальше в войну с нами впряглись польские наемники. И началась череда поражений. Нет, победы тоже были, но это скорее для самоуспокоения. Если учесть, что Польско-Литовское войско из примерно сорока тысяч бойцов захватило Гомель и разорило всю Северскую область, то становится совсем невесело. Ежели бы у Сигизмунда денег было побольше, то поляки бы не свалили по домам, и вот тогда нам совсем стало бы кисло. И ведь что обидно, Гомель сдал по малодушию наш же воевода, за что и был заключен в темницу по прибытии в Москву. Только нам от этого не легче, отбить его все равно не смогли, литовское боярство, уцелевшее с момента присоединения этих земель к Москве, решительно выступило против нас.

По перемирию 1536–1537 годов за Москвой закрепились Черниговские и Стародубские земли, правда, Гомель и Любеч остались за Литвой. Вот такой вот странно выгодный мир у нас получился. Собственно, отсутствие денег на продолжение войны остановило Сигизмунда да наше наконец появившееся желание воевать. Неспроста оно появилось. Отметились в этой войне поляки истреблением русских. Именно истреблением. Считать русских недочеловеками, годными разве что на уничтожение, придумали далеко не нацисты. Поляки это с успехом делали еще в XVI веке, а шведы в XV. Вот такие они, общечеловеки с руками по локти в крови.

Кстати о Швеции. В 1537-м Россия заключила договор с ней о свободной торговле и благожелательном нейтралитете. В те годы считалось нормой, что все договоры после смерти правителя прекращали свое действие, поэтому возобновление мирного договора со шведами было важным шагом.

Судя по прошедшей войне, поместное войско годилось разве только на то, чтобы пограбить да участвовать в скоротечных набегах. Для тяжелой, изнуряющей войны оно не подходило. Это и неудивительно, ведь создавалась такая система для противостояния степи, а там только так и воевали. Новое же европейское войско оказалось сильнее. При примерно равном соотношении оно у нас выигрывало. Нас спасало только то, что мы могли выставить в поле гораздо больше воинов, чем любой из соседей.

Но эта же война показала слабость Литвы, потому перспективы войны против литвинов были вполне реальными. Она же поставила крест на мирном объединении. Нигде наши войска не встретили поддержки мирного населения в Великом княжестве Литовском, как и войска литвинов в Великом княжестве Московском – повсюду, кроме Гомеля, разумеется. У ослабевшей же Литвы была

только перспектива быть поглощенной либо нами, либо поляками.

В годы правления Глинской велась успешная борьба против роста монастырского землевладения, немало было сделано для усиления централизации власти: в декабре 1533 года был ликвидирован удел дмитровского князя Юрия Ивановича, в 1537-м – старицкий удел князя Андрея Ивановича Шуйского.

Не пользовавшаяся симпатиями ни у бояр, ни у народа, как женщина не московских, а скорей, европейских нравов и воспитания, она этой весной умерла. Умерла во втором часу пополудни, подозрительно быстро, и в этот же день была похоронена. Как будто окружающие боялись раскрытия какой-то тайны. Но верхом непотребства можно считать, что похоронили Глинскую даже не отпев.

Я ее так особо и не узнал. Но только сейчас понял, насколько раньше у меня было меньше проблем. Теперь же постоянно приходилось быть в Москве, участвовать, сидя памятником самому себе, в заседаниях Боярской думы и говорить заученные фразы.

Сидел и думал, как там у меня дела. Я ведь не только учился и играл со сверстниками, но и пытался разности всякие делать. Кое-что уже работало и даже доход приносить стало.

Что было первым – яйцо или курица? Кажется, какая, в сущности, разница! Кому как, а мне этот вопрос решать и приходилось. Чтобы сделать один станок, нужен другой. А что делать, если его нет?

Первая мысль была построить плотину с водяным колесом и присоединить к ней лесопилку. Досок наделать, деньгу сшибить. Только вот незадача: в Коломенском я оказался осенью, это раз. И на кой мне сшибать деньгу? Нет, ежели чего попутно заработается – хорошо, но великому князю это и не к лицу, и не нужно, это два. Конечно, лесопилка при любом раскладе пригодится, но в том году строить уже поздно было. Еще и мастеров найти надобно. Однако это дело я не забросил. Нагрузил людей, специально приставленных матерью для этого. Плотину построили на следующий год и сделали там мельницу. Но не простую, а золотую. Да не в смысле из золота, однако приносящую – ну, не совсем золото, а только серебро. Мололи на ней не муку, а для начала крошку из глинита и кирпичей неудавшихся. Много их было, очень, пока толком не отладили

кирпичное производство. Так это бы стало мусором, а в итоге получили глинит-цемент, который уходил на строительство новой стены в Москве. Собственно, на этом идея водного привода почти заглохла, правда, не совсем, но обо всем по порядку.

Мой дед из прошлой жизни был печником и не только. Я частенько мотался с ним по соседним деревням, когда он поправлял печки: русские, голландки и их комбинации.

– Смотри, внучек, сложить печку – дело нехитрое, только и надо, что голову иметь на плечах да чтобы руки из того места росли, – говорил он.

Честно говоря, было видно, что меня совсем не обманывают. Достаточно посмотреть хоть один раз, как ее сложат, чтобы и самому это повторить.

– Деда, а почему тогда все сами их не ремонтируют?

– Да потому, внучек, что работа эта грязная. Молодежь, конечно, раствор теперь не так заводит, измараться боятся, брезгуют. Потому и заваливаются их печи, а мы, старики, едем исправлять, чтобы простояли они потом долго и служили хозяевам справно.

Дед, кстати, нисколько не кривил душой. Раствор для печей замешивался по «особому» рецепту. Удивительно, но так его заводили столетиями, и он не подводил.

– Да что раствор! Это ноне кирпич все готовый покупают, а раньше мы его сами делали. Хе! Все из того же раствору. Ведь печь, как видишь, потом все равно затирают, потому и без разницы, из сырого она кирпича или нет. А снутря она потом сама при протопке обожжется. Вот так-то вот.

– Так почему же сейчас так не делают?

– Сейчас мне лень делать такой кирпич, тяжело это, да и возраст не тот, и потому использую какой есть. Преимуществ от него нет, только печь дороже, но и люди живут лучше.

Я этого не забыл. Голландки собирать было пока не из чего. Не было ни плиты, ни колосников, ни дверок всяких. Можно было сделать эрзац, но я решил делать основательно и на следующий год. Пока решил заняться русской печью. Класть их здесь и без меня умели, так что это не было открытием века. Печи в основном были без дымоходов, хотя в некоторых особо зажиточных домах их уже делали, но только не привычного нам вида, а горизонтальные. Так что моя печь все-таки будет с изюминкой. Глядишь, оценят и возьмут на вооружение. Понятно, сооружать собрался не своими руками, но рулил именно я.

Начали с кирпичей для печек. Да уж… Чтобы отформовать сырец, всего-то нужно сделать форму. Чего, казалось бы, проще! Вот и я так мыслил. Петух, говорят, тоже думал, да в суп попал. Банально не из чего оказалось сварганить эти самые формы: нет досок. Формально и даже физически они присутствуют, но при этом досок все равно нет. Первое – это, конечно же, толщина. Бог бы с ним, что она у них 5–7 см, но перепады такие на одной доске. И, кстати, их получают вовсе не из цельного бревна одну. Не такие уж и дураки были предки. Из одного ствола выходит несколько, с помощью топора и деревянных клиньев. По сути, местные доски – это аналог эдакой здоровой плоской щепы. Понятно, что она по определению ровной не будет и потому дорабатывается с помощью все того же топора и чьей-то матери. Говорят, они даже улучшаются после такой обработки – вроде как не гниют дольше. Врут безбожно! Для несмолистых досок это утверждение вообще сомнительно. Какой-то смысл в этом есть, например, для сосны, но именно неясный. Некоторая закупорка пор, конечно, происходит при обработке ее топором, но происходит это крайне неравномерно. В конечном итоге все равно, вся доска сгниет или только треть – результат один: становится негодной.

– И чего с ними делать?! – изрек я глубокомысленно, тупо уставившись на эти произведения человеческого гения, в смысле доски.

– Дык, это… Чего скажете, то и сделаем! – заявил мужичок подозрительной наружности.

Может, я чего не понимаю, но, похоже, он всерьез верит, что их этих дров чего-то сделать можно. В глаза бы ему заглянуть, так нет, он как нарочно уже всю землю взглядом просверлил.

– Ты не юли! Смогешь сделать то, об чем уговаривались? Или ты решил великого князя обмануть? – пришел мне на помощь Прохор.

– Как можно! Да я енти формы кирпичные на раз сделаю! – стал возмущаться, видимо, столярных дел мастер.

Но под бдительным оком моей охраны опять сник.

– Ну, раз говоришь, что сделаешь, так давай не подведи! – подвел итог я.

– Мне бы это, кирпич бы, какой надобно из форм получить.

М-да… Задача! Кирпич хоть и распространен уже, но не сказать, что он повсюду валяется. Естественно, точно никто сказать не мог, какими должны быть у него тычок, ложок и постель. Попытки показать на пальцах ни к чему не привели. Бог знает точные эти размеры! Я в тот момент впервые в лоб столкнулся с проблемой измерений. Изготовить кирпич можно было только по образцу. Пришлось слать гонцов в Москву за несколькими кирпичами.

Пока привезли кирпичи, сделали формы, прошло три дня. Вот тебе и простая задача. Чтобы работать с тем инструментом, нужно действительно быть мастером. Кстати, когда говорят, что все делали без гвоздей, врут безбожно. Делали без железных гвоздей. Заменяли их с успехом дубовыми шкантами. Правда, под них сначала отверстие просверлить надо, но гвозди они есть гвозди, хоть и деревянные.

Пока же делали эти формы, пришлось-таки влезать в хитросплетения русского измерения. Все измерялось вроде как в саженях. Только саженей этих было три, и это только номинально. Анатомия-то у людей разная, потому, чтобы получить точные размеры изделия, всегда нужен образец. Бесполезно писать. Потому и кирпичи пришлось везти, вдруг еще понадобятся. Кирпичный завод ведь строить собрался.

– Вот, ежели мерить так, то будет простая, эдак-то маховая, а по-таковски косая. В каждой сажени по четыре локтя, – объяснял Прохор.

– Стой, это как же? Сажени разные, а локтей в них одинаково! – в недоумении уточнил я.

– Так и локти разные. Вот, смотри, это простой, это маховый, а вот это косой.

– И как тогда мерить чего?

– Так уточнять надо, какой саженью мерил, всего и делов. Раньше в сажени было вообще только по три локтя, так ее и показать никак, только в локтях и мерили.

Вот все не слава богу! Мало того что саженей три вида, так была еще и старая, меньше всех нынешних.

– А чего-нибудь поточнее нет?

– Как нет, есть, однако. Персы свой товар продают аршинами. Так вот, в аршине том шестнадцать вершков. Наши купцы тоже начали аршинами торговать, но только на свой манер. Всяк со своим аршином. Так что глаз за ними да глаз. Вот у персов он всегда одинаковый, не то что у наших прощелыг.

– А сколько это? Покажи.

– Да, почитай, как простая полусажень. Немного поменее. Если не по пальцу мерить, а до запястья, она и будет, или длина руки по плечо.

– А ежели все аршинами мерить?

– Можно. Почему бы и нет!

Я задумался. Соблазнительно, однако, ничего не выдумывать, но как-то мелковат размерчик. Тем более что в версте их получится полторы тысячи штук. Не совсем чего-то для расчетов. Хотя и нынче тоже не лучше. Уменьшать версту не дадут. Столько указов сразу переписывать! От нее ведь десятина меряется. Это же всю страну на уши поставить… Итак, версту трогать нельзя, но надо сделать ее кратной десяти. В чем она там нынче меряется? Ага, пятьсот косых саженей. Во, то, что нужно! Это значит тысяча полусаженей. Блин, одна проблема, от чего уходили, к тому и вернулись.

– А сколько этих аршинов в косой сажени? – решил уточнить я.

– Примерно три, может, более, а может, менее чуток. Смотря кто мерить будет.

– Так, может, приравнять сажень эту косую ровно к трем?

– Это еще зачем?

– Чтоб у нас тоже была своя точная мера русская, как у персов этих.

– Ну, ежели русская, то конечно можно. Только купцы все одно мерить аршинами будут. Отрез ткани так гораздо удобней отмерять, особенно если под рукой ничего нет.

М-да, с точки зрения купца, аршин куда более практичная мера. Что тут скажешь! Хотя чего это я: полусаженями тоже отмерять ткань не хуже, причем именно косыми…

– Эврика! – завопил я.

– Чего? – спросил Прохор и опять озабоченно стал меня рассматривать.

– Говорю, здорово! – и я стал взахлеб рассказывать посетившую меня идею.

Получалось, если по-моему сделать, то пускай купцы как хотят, так и отмеряют. Главное, появится четкая зависимость между мерами. Вот за основу русской меры я и предложил взять косую полусажень, при условии равности, полной трем аршинам. Блин, как красиво-то получается! Ничего по сути вроде и не изменится, а появится точная величина, в которой все и меряется. Она и от метра не очень отличаться будет, хоть и поболее, правда, 107 сантиметров примерно. Назвали мы ее «мерой», но название впоследствии не прижилось. Называть ее стали казенной полусаженью, а потом и вовсе полусаженью, потому как другими мерить перестали, но случилось это нескоро. В одной «мере» десять ладоней, в ладони десять ногтей, а в ногте десять точек.

Сделали мерные линейки гораздо быстрее, чем формы для кирпича. На линейках в одну казенную полусажень были нанесены деления, кратные ногтю, а по другой стороне шла разметка в аршинах, с делениями, кратными вершку. Точки были на линейках в две, три и пять ладоней; на них с обратной стороны были только вершки. Пока они стали законом только в Коломенском, постепенно, по мере размещения заказов на стороне, распространяясь и далее, но, если честно,

не особенно.

Пока дурака валял с этими мерами, формы под кирпич и подоспели. Надо было забивать их раствором. Только его сначала надо сделать, и тут затык. Дело в том, что его начали мешать в корыте, выдолбленном из цельного ствола. Так-то ничего, но емкость маловата. Долго получалось. Но я же умный! Решил сделать из досок.

А вот и фиг. Вот тут и стала понятна разница между гвоздем и местным его аналогом. Ничего он его не заменял, м-да. Сшивать герметично здесь умели только внахлест. Причем изнутри стык прошить нужно, как ниткой ткань, еще по стыку нагелей деревянных набить. Получается, что весь крепеж будет торчать вовнутрь. И это вдобавок к елочке из досок.

Спас меня в очередной раз Прохор, подошедший узнать, чего это великий князь уставился в никуда.

– Так тут бондарь нужен! – воскликнул он, когда я ему изложил суть проблемы.

Сделать договорились нечто похожее на огромную деревянную шайку. Она должна была выйти на славу, но только по снегу. Однако и эту мою беду разрешил опять Прохор. Понагнали еще работников с корытами. Расшили, так сказать, узкое место. Процесс пошел не просто быстро, а очень даже весело. Не успевали вытряхивать кирпичи на солому, чтобы просушились.

Наученный опытом местного производства, я все-таки решил проверить, а как тут с шанцевым инструментом, то бишь, по-русски, с лопатами. Никак тут с ними было. Весь инструмент был деревянным, в лучшем случае с железным навершием. М-да, с таким арсеналом о серьезном кирпичном заводе говорить не приходится. Нет, конечно, вопрос можно утрясти и так, как решили с замесом раствора – попросту понагнать побольше работников и снять проблему, – но как-то это отдавало не тем.

Пришлось встречаться и с кузнецом. В первую очередь я подумал про мотыги. Мешать ими – это не лопатами. И сильно легче, и не в пример быстрее. И велосипед изобретать не надо, в смысле всякие мешалки выдумывать. Заодно у кузнеца были заказаны штыковые и совковые лопаты, а также «лепестки», вилы, в том числе и садовые, и гибрид садовых вил и штыковой лопаты.

Печь сложить надо было в специально поставленном для этого пятистенке. Крышу не сделали, потому как трубы еще не было, а плотники не знали, что это за зверь такой и с чем его едят. Потолка пока тоже не было, поскольку на Руси в это время они были страшной экзотикой: очень в редких и зажиточных домах делали потолки, второй этаж строили так вообще только в очень богатых. Просто это позволяло делать стены ниже, экономя деньги на строительство, притом что вверху было достаточно свободно. Удивительный рационализм во всем. Даже неудобства жизни приспосабливались для пользы.

Печь должен был класть печник. И вот начал мне этот делец заливать:

– Печь будет всенепременно в лучшем виде! И не угарной, и жаркой, но не жадной, чтобы дров шло как можно меньше, и будет она красива, миловидна.

– Ты мне что, девку расписываешь? Печь, главное, сложи, как мне надобно, а все эти жадно да жарко брось.

Видно было, что не сдержалась душа поэта, потому как он встрепенулся от моих слов. Но вовремя показанный кулак одного из воинов охранной стражи остановил его порыв. Я бы тоже, думаю, остановился, если бы мне такой показали. Таким только быков ударом в лоб валить.

Сложили печь неинтересно. Печник, которого, оказалось, Захаром кличут, поначалу попробовал по-своему все же устроить, но и мы не пальцем деланные. Возмутила его высота моей печи. Тут так печи пока не клали, и были они невысокими, а я вон какую заворачивал. Но после задушевного разговора с воеводой Михайло Венюковым Захар пришел на работу с фингалом под глазом и стал исполнять все, что скажу.

Вот когда с печью закончили, вот тогда и доделали и крышу и сделали потолок, как я просил. На улице по ночам уже стало холодать, поэтому в окна вставили стекла. Я как узнал их цену, чуть на месте не упал на пятую точку. Во где деньги гребут лопатой! Эпическая сила!

С производством стекла тоже что-то надо было делась. На самом деле это производство стратегическое. Если оно не будет создано, на хороших станках можно ставить крест. Химия и та непонятно как развиваться будет. Сам я в этом

мало понимал. Надежда была на то, что найдут знающих людей, да хоть немчин. Это производство нужно было кровь из носу, уже вчера.

Печь же в первую протопку парила просто нещадно. Спасу не было. Двери настежь, но все равно в избе дышать было нечем, и только к вечеру пошло нормальное сухое тепло. Вот Захар как-то поглядывать на меня странно начал, опять стал норовить на колени бухнуться, что, кстати, я ему строжайше запретил на время строительства.

– Чего это с ним? – спросил я у Прохора.

– Ты только не серчай за слова, которые я тебе скажу, князь, но не думал он, что что-то путное из всего этого выйдет. Думал, одно баловство. А вон оно как, оттого к тебе у него уважение, превзошел ты его, мастера, хоть не в умении, но в знании. Не думал он, что узнает еще чего новое про печь, а поди ж ты! И я не думал, ты уж извиняй, – проговорил он с поклоном.

«Да чего там!» – хотел сказать я, но сдержался. Ничего великого вроде и не сделал, все по науке дедовой, оттого и неуютно стало. Не мое это достижение, а как такое объяснить? Придется привыкать к подобному.

Только и вздохнул.

– Тут такое дело. Бумагу надобно свою делать, у нас на Руси, а не заморскую завозить. Слышал я, где-то у папистов придумали машину, чтобы книги печатать, – начал я новую тему.

Прохор-то внимательно стал слушать, аки откровение какое от меня снизойдет. Но мы пока так высоко не летаем, только как те крокодилы, из анекдота. Со всем перечисленным я мало что мог сделать, потому и завел тот разговор, чтобы народ напрячь поиском специалистов. Типографию сделать-то можно, но без своей русской бумаги и в большом количестве это было бесполезно. Разве что потешить свое самолюбие. Сначала бумага, потом книги. Единичные экземпляры и без меня перепишут. Вот и металлическое перо надо сделать. Грифельный карандаш тоже. Да чего только не надо, так ведь, как говорится, и Москва не сразу строилась.

Глава 3

Если вот с водяным колесом сразу не вышло, почему бы паровик не сделать? Самый простейший, атмосферный, непрерывного действия, по типу ползуновского, правда, на столь высокое звание сия машина не тянет. Зато давление пара там смешное, чуть повыше атмосферного. Сам принцип работы прост и позволяет делать ее даже с помощью кувалды. КПД (коэффициент полезного действия) пока давление невелико, еще ничего, но с его ростом становится просто швах. Но нам пока мощность сильно и не нужна, главное сам принцип. На безрыбье и рак рыба, как говорится. Одна проблема: кузнецы не резиновые, на все не растянешь. Однако пущай пашут на благо родины. А у них-то радость, заказы прут и прут. А жизнь-то налаживается.

Рано, однако, я в тот момент обрадовался. На этом чуть все и не встало. Дорогой это штуковина выходила очень. Мамка вот даже приехала, узнать, чего это я удумал. Спасли меня мои же придумки.

– Это еще что за… штука? – спросила она меня, явно собираясь выразиться поярче, однако сдержалась.

Чувствую, описали мои дела далеко не в выгодном свете, хорошо, если как мелкое чудачество. Гадить напрямую перестали, а вот втихаря палки в колеса по-прежнему вставляли.

– Это, мам, чертильник, – я так кульманы обозвал: в самом деле, откуда мне такие слова знать.

Бумаги и карандашей не было, а вот чертильник уже был. Правда, весь деревянный, сочленения все хлябали, но вот он. Опять же, литцы с пушечного двора заезжали, сняли мерки, ежели все пойдет по плану, то следующим летом это будет работающее изделие. Время было, почитай уже, к январю 1537 года. С бумагой забрезжил просвет, нашли-таки деятелей, которые согласились такое производство в Московии создать. По карандашам тоже чего-то измышляли. Получались они, правда, пока никудышные, крошились, но я надеялся со временем на положительный результат.

Металлические перья для письма уже были, и мы ими даже пользовались. Правда, не из железа, а из меди, но, думаю, это небольшая беда. Самого письма ими я в свое время не застал, но еще мой отец пользовался несколькими разновидностями при черчении. Так что у меня была возможность разглядеть их в подробностях и даже сломать пару штук, за что был наказан. Чего только ради науки не пришлось перенести! Потому-то и сподобились для черчения сделать несколько разных, но пока только для пробы. Перья мы уже даже продавали через купцов. Доход, конечно, невелик был, но из капель ручьи образуются.

Когда говорю «мы», это не значит «я». Пригодился тот пятистенок-то. Вот в нем несколько мужиков их и изготавливали. Зимой все одно нечего делать, а тут доход нарисовался. Вот и работают, не за страх, а за совесть. Небольшая изба и стала новым великокняжим заводом. Деньга вот начала даже капать ко мне в казну.

Но моим прорывом за время жизни в Коломенском был перегонный аппарат. Прорывом он был для великого князя, но не для местных. Если для меня его сделали здесь, по моим указаниям, то купцы уже завозили подобные агрегаты из Казанского ханства. Ну вот, скажете, еще один деятель собрался русский народ спаивать! А вот и фиг вам. Мне-то был нужен самогон для другого, и чем крепче, тем лучше.

Колесцовый замок был известен, и ничто не мешало мне сделать зажигалку. Не бензиновую, конечно. Где он, бензин этот! Спиртовую. Карманной ее можно было назвать лишь условно. Размером она была примерно с читок. Вот это был товар дня. Возможность получить огонь в любых условиях и быстро, это было самое оно. Из Москвы они уже расходились серьезными партиями, делали их в московском посаде. Спирт, вернее, крепкий самогон тоже уже пошел и делался там же. Заправлять ведь чем-то надо. Но пока мало. Вот это приносило уже серьезный доход.

Для меня же был важен только колесцовый замок. Вернее, наладка его производства, причем массового. На самом деле очень многое пришлось сделать, прежде чем их стали клепать, и достаточно дешево, чтобы ставить на зажигалки. Теперь была надежда, что установка их на ружья и пистолеты не приведет к большому их вздорожанию, и потому вооружать будем таким оружием всех.

С резьбой пока не заладилось, и потому винтик крепления колесца заменили маленьким металлическим шкантом с накаткой. Получалась прессовая посадка, а не резьбовая, и пускай, что со временем она разболтается, старый выкинут, а новый забьют, и все в порядке. Это, пожалуй, было самым радикальным изменением имевшегося у меня образца и к тому же привело к значительным снижениям затрат на изготовление.

Мясорубку изготовили по моим прикидкам. Полностью бронзовую и массивную. Нож сделал сразу самозатачивающийся, тем более что конструкция у него даже проще. В нынешних условиях с заточным инструментом производить этот дурацкий крестик было верхом безумия. Решетка прижималась кольцом, закрепленным к корпусу тремя замками, по типу фляжных. Котлеты из рубленого мяса – это, конечно, интересно поначалу, но тянет почему-то к привычному. Дорогая, зараза, получилась! Продвигать пока никак нельзя. Сами пользуемся, но надеюсь со временем хоть боярам всучить сей инструмент, за деньги, конечно.

На самом деле котлеты здесь отсутствовали как класс, потому сие блюдо называлось мясными лепешками. Появилось оно, между прочим, благодаря моим заблуждениям. Я все думал, а почто их не делают, и вот уже здесь, в Коломенском, потребовал.

– Великий княже, не губи! Не знаем мы, чего вы требуете.

– Как это? Просто же! Это же такая лепешка из крученого мяса.

М-да, мои слова, похоже, нагоняли на поваров всемирную тоску. Они даже слов таких не знали.

– А из рубленого мяса не делаете?

– Почему же, делаем. Ежели мясник потоньше отрубит, прожарим.

И такой вариант не проходил. Пришлось объяснять, даже вот топор специальный сделать и корытце для рубки мяса. Хорошо, у бабушки в деревне их видел: ливер она упорно рубила, а не перекручивала. Правда, рубленые котлеты мне не очень понравились, вот и решил мясорубку сбацать.

Как ни странно, но топорик этот пошел потихоньку в народ. Если где кто чего у нас придумал, то другие это быстро начинают повторять, ежели по нраву, конечно, придется. Лепешки из мяса, видать, понравились, только мясорубки уж дюже дорогие.

Но не мясорубку я задумывал сначала. Это опять было побочным продуктом. Делал формовочную машину для кирпичного завода. Была она значительно крупнее мясорубки, но принцип использовался тот же. Только вместо решетки вставлялась форма, придававшая раствору нужный вид. Разные профили, разные изделия. Черепицу можно было начать делать, но решил остановиться пока только на кирпиче. Правда, к машине еще привод пришлось приделать, от лошади – люди выдыхались уж больно быстро, – но это было уже следующим летом.

Самовар вот сгандобили, ну куда же без него. Горячая вода всегда теперь под рукой. Чай, правда, травяной в основном, но ничего, прорвемся. И опять мне нужен был не сам самовар. Как-то надо было наладить производство кранов. Вот и повод нарисовался. Пока их делали довольно кустарно, но работали они надежно.

Придумок-то много, а вот как их заказывать у разных мастеров? Беда. Всяк на свой манер меряет. Нет, линейки, конечно, уже придумали, и удачно – они отлично согласуются с существующими мерами площадей, – но объемы… Вот где разгул для русской фантазии. И у нас она поперла. Нет, старались ничего не придумывать, брать за основу то, что есть, но не все согласовывалось. Возьмем кубомеру, аналога ей нет, кое-что близкое есть, кадка. Но она примерно на 150 литров меньше. Да и изготовить такую меру тяжеловато.

– Великий княже, может, ну ее эту, как ее, кубомеру. Лучше ведро сделаем! – проговорил Прохор, морща лоб, явно прикидывая объем работ, причем непонятно для чего.

– Можно и ведро, но, пожалуй, и оно великовато. А чего поменьше нет? – откликнулся я.

– Есть гарнец, в четверть ведра, потом идет кружка, ее двенадцатая часть.

– Стоп, что там за кружка?

– Кружка – она кружка и есть.

– Может, пусть она будет в одну ладонь по трем сторонам? Сделаешь?

– Сделаем, отчего же не сделать.

– Тьфу. Так чего стоишь, иди, распорядись. Только проследи, чтобы изнутри такой была! – последнее я крикнул уже вдогонку, спохватившись.

– Великий княже, не изволите ли отужинать?

– В каком смысле? А…

Это Таисия, в очередной раз воспользовалась паузой в наших с Прохором разговорах. Исхудал я, видите ли. Ну, сбросил маленько килограммов, и что? Как только это было замечено, началась настоящая охота на меня с ее стороны, с целью заманить в трапезную. Тем более выяснилось, что бываю я там не регулярно, а от случая к случаю, заставляя голодать всех вокруг. И в самом деле, как от великого князя отвертишься. Хорошо хоть, с крендельками приставать перестала. Нет, с ними все в порядке, и вкусные, заразы, но они на меду, а меня, признаться, уже от него воротит.

– Пошли, однако, поедим. Все одно делать нечего, – продолжил я после некоторой паузы.

Сижу, значит, жую, никого не трогаю. Дело уже на следующий день было. Кстати, жареных карасей. Когда в первый раз потребовал их, то был у окружающих, как говорится, «шок – это по-нашему». Мягко говоря, рыба сия чуть ли не сорной здесь считается, а тут великий князь… и караси. Несовместимые понятия. Но раз требует, куда деваться!

Пожарили, называется. Нет, сготовили нормально, но что! Такие лапти только с дури есть станешь. Они же уже старые, в них же костей – чтоб сами повара так жили! Пришлось объяснять, каких надобно. Надо было видеть их глаза: наверное, если бы икона заговорила, удивлялись бы меньше. В самом деле, откуда великому князю знать про карасей, ладно, где-то мог слышать, но чтоб

знал еще и каких надобно, ну это ни в какие ворота. И плевать, отлично прожарились. Эх, лепота! Теперь заказываю их регулярно, что уже никого не удивляет.

В общем, сижу, на лавке (это важный момент). В приоткрытую дверь заглядывает Прохор, но видя, что трапезничаю, пытается уйти. Ха! Не тут-то было. Признаться, я уже насытился, а тут такой повод улизнуть.

– Стой, чего пришел? – кричу я вдогонку.

– Сделали, все как указывал, – ответил он, вернувшись.

– Чего сделали?

– Кружку эту, с углами.

– Так тащи ее сюда! – приказал я, не сразу поняв, о чем речь.

– Заноси, – прокричал он куда-то в коридор.

В трапезную внесли нечто на подносе, накрытое богатой тканью. Судя по выступающим граням, это была обещанная кружка с углами. Предо мной расчистили стол и поставили этот поднос. Я заинтересованно, по-быстрому сорвал ткань, да так и застыл с открытым ртом. Помните, что говорил про лавку подо мной? Повезло!

На подносе стояла она, кружка. Кубической формы и прям с ручкой. Стороны же ее были украшены резьбой.

– Это чего? – потрясенно пробормотал я.

– Как чего? Как великий князь приказал вчерась, так и сделали, – ответил Прохор.

– Э… Резьба-то зачем?

– Без нее нельзя. Как такую срамоту пред ваши очи несть? Все должно быть лепо.

Чувствую, спорить бесполезно. Главное, чтобы сделали то, что просил. К чему я все это рассказываю? Да вранье все, что первая мерная кружка была из золота, де заказанная по приказу великого князя Московского Иоанна IV. И то, что я увидел пресветлый лик богородицы, которая подсказала мне все сделать именно так.

Деревянная она была, да и случайно все вышло, хотя и подозрительно. Из золота ее изготовили гораздо позднее, и впрямь кубическую, и то, чтобы народ не расстраивать. А то, откуда появился тот достопамятный указ, ни слова – никто ведь так и не сознался в его подготовке. Не сам же малолетний князь его написал, тут никак без промысла божьего не обошлось. Люди верят в сказки гораздо больше, чем в правду.

Значительно позднее историки все пытались подобрать кандидатуру, которая подсказала мне столь светлую идею. Только вот никого подходящего на такую роль упорно не находится, да и указ тот я писал скорее в шутку. Думал, что он все равно никуда из Коломенского не уйдет. Как говорится, хочешь рассмешить богов, расскажи им о своих планах. Народ же упорно находил промысел божий в совпадении всех мер.

– Ну, раз принес, тогда тащи ведро, – раз уж сложилась такая оказия, продолжил я.

Довольно быстро его и притащили.

– Вот, государь, не извольте гневаться! – проговорил Прохор, ставя его передо мной.

– Это точно оно, мерное?

Вопрос был задан неспроста. Ведро с виду было самым обыкновенным, деревянным.

– Не совсем, но точно как оно, не сумневайтесь!

– Ну, раз так, то давай смеряем, сколько туда кружек влезет, – продолжил с подозрением я.

Один проблем! Нечем наполнять кружку, хотя, в конце концов, почему бы и не молоком. Только оно на второй кружке тоже закончилось, кто же знал, что великому князю его столько понадобится. Поднялась суета, и вскоре его доставили.

– Это что, шутка? Ты что за ведро принес?

– Это не я, а посыльный.

– Так почему в него вошло ровно десять кружек? Что за ерунду сюда притащили?! Тащите настоящую меру.

– Не ведаю, но сей момент, все исправим.

Второй раз пришлось ждать значительно дольше, пока наконец не принесли медное, специальное. Но и в него вошло ровно десять моих кубических кружек.

– Это что же получается, в ведре их действительно десять?

– Истинно так! Как глазам своим не верить!

М-да, шуточки. Как так получилось-то? Нет, тут, наверное, чего немного и не совпадает, но с нынешней точностью этого не выявить, так, может, закрепить соотношение на бумаге, да и дело с концом? Однако сколько же это весу?

– Прохор, а давай взвесим, сколько чистой воды в кружку входит. Только воды чистой колодезной распорядись принести.

В этот раз, видя мое возбужденное состояние, Прохор сам куда-то унесся.

– Вот, все принесли и кого надобно привел, – проговорил он.

– В каком смысле? – не сразу поняв, зачем кто-то еще нужен, задал вопрос я.

Все было просто. Притащили и кого-то с весами. И в самом деле, а как взвешивать-то без них, чего-то не подумал. Уравновесили чаши, забавные такие, подвешенные на цепочки. Потом с помощью песка, насыпанного на другую сторону, обнулили вес кружки. Наконец залили в нее воды. Человек этот чего-то там стал возиться, а я ерзать. Сколько можно! Но это так неспешно делалось, как, впрочем, и все вокруг. Только на войну сборы тут не затягивают.

– Три гривны чистого весу, – прозвучали, как гром среди ясного неба, его слова.

Стоп, я что, на программе «Розыгрыш»? Это же получается, русские меры все вот так запросто увязываются между собой! Всего-то и надо, объявить, что кружка теперь равна одной ладони по трем сторонам, а весу чистой воды в ней ровно три гривны. В ведре их будет десять, а все остальные меры объема и веса останутся как и прежде.

Я тупо уставился на Прохора.

– Великий княже, все ли ладно? – обратился обеспокоенно он, видя мое состояние.

– Да все в порядке. Знаешь что? Давай напишем указ «О мерах и весах». У нас же в Коломенском есть свои линейки, так пусть будут и другие меры. И пусть только кто пикнет, сразу указом по лицу. А?

– Указ так указ.

Вот так, кстати, он и появился на самом деле.

Всем вот этим я и хвалился. Про указ не забыл упомянуть. После этого она чего-то в лице переменилась.

– Можно его почитать, сынок? – обратилась Глинская ко мне и как-то уж очень грозно взглянула в сторону моих нянек.

Конечно же, она его получила. Чего там скрывать! Простое описание соотношения мер да особое выделение их взаимосвязи.

– Мам, а пришли мне сюда хоть одного златокузнеца!

– Зачем тебе?

– Да вот захотелось мне сделать тебе подарок особливый, чтоб точно не было такого еще.

– Конечно, сынок, – ответила она, улыбнувшись довольно.

Мне просто пришла идея сделать перья из злата и серебра, для знатных, да еще и клеймить их моей печатью. Пора начинать делать элитные вещи, а знак ставить на личных подарках. Золотая монета – это, конечно, хорошо, но ее легко потерять, а такие вещи будут хранить.

Разрешение на строительство паровика получил. Заодно моя мать заказала для Кремля самовары и мясорубку. Прихватила она и мой указ, с образцами всех наших мер. Позже я узнал, что спички детям не игрушка и как бы шуточно не был писан указ, но здесь он сразу обретал силу закона. Так новые меры стали государевыми и распространились по стране как казенные. Сопротивления они нигде не встретили, потому как ничего нового не привнесли, а те, кто догадался о новизне, промолчали.

В Кремле народ новинки увидел.

– Петр Иванович, ты энти лепешки из мяса едал?

– Конечно, Юрий Михайлович. Только суховатые они какие-то.

– И мне так показалось. Однако допустить, чтобы такие едали только на великокняжем дворе, никак не можно. Это же какое поругание нашей боярской чести, что мы, хуже Глинской этой? Я вот думаю заказать себе эту, как ее… мясорубку, во! Чтоб, значит, не хуже, чем у других было.

– Так-то, наверно, и я прикуплю. Чего это, у всех будет, а у меня нет! Вот за самовары уже и задаток дал, да не за один.

– И не говори! Хорошая штука. Только узоров бы на них каких, чтоб и глаз радовали.

– Так и такие делают. Эти так, говорят, на пробу, потом пойдут для дворовых, а сейчас делают новые да лепые.

Заказы пошли, сначала медленно, а сейчас уже это самостоятельные производства, особенно самоварное. Их теперь выпускают разной вместимости, даже украшать начали. Многим уже не только функция нужна, но и чтобы глаз радовал…

Сделать этот паровик, когда у тебя под рукой и станки и опыт промышленного развития, пара пустяков. Изготовить здесь, в Великом княжестве Московском, в XVI веке, да и веком спустя, а то и двумя, это подвиг, во всяком случае, если ничего из истории не путаю. Нет ничего. То, что называют станками, является ими лишь условно, потому как другого нет. Хоть я и отдавал только приказы и лез с советами под руку, все равно устал.

Днище отлили из меди на пушечном дворе в Москве. Формы оно было простецкой: ну чисто кастрюля, только тяжелая, просто жуть. Крышку к нему отбили молотом из меди же, сферической формы, и сварили между собой. Это было, наверное, самой легкой частью.

По проекту паровик должен иметь шесть цилиндров, два блока по три. Это я не с жиру бесился: деваться некуда при такой-то конструкции. Иначе непрерывной работы не получалось вовсе. Уязвимым местом этой машины были уплотнения между поршнем и цилиндром. Вы не ослышались: не кольца, а именно уплотнения. Очень важно было их обеспечить, работало атмосферное давление, а не пар. Приходилось даже воду наливать на них для лучшей герметичности, а заодно решался вопрос с индикацией износа. Это же потребовало предусмотреть в конструкции возможность раздельной работы блоков.

Три цилиндра объединялись в блок для гарантированно простого пуска. Преобразование движения в поступательное осуществлялось кривошипно-шатунным механизмом. Кривошип имел массивные маховики, иначе никакой равномерности вращения вала даже в уме у меня не получалось. В принципе, во многих случаях можно будет обойтись и коромыслом, что и проще, и дешевле.

Цилиндры лишь условно ими были. С какими матами им придали видимость такой формы, лучше не слышать, особенно когда думали, что меня рядом нет.

– … мать, и чего их на пушечном дворе не сделали, как кастрюлю эту! Токмо сложностей придумать!

– Наверно, медь берегут.

– Да чтоб им, с медью этой! Будто у великого князя ее мало!

– И не говори.

Вот такой разговор довелось случайно услышать. Но дело было, конечно, не в экономии меди. Видел я здешние пушки. С цилиндричностью каналов ствола у них было еще хуже. В принципе, устройство пушечного сверла мне было известно, но было ли где его применить? Да и изготовить его еще надо было.

За зиму сделали лишь запчасти. Тогда же подобрали место под установку, чтобы лес удобно было подвозить, а доски вывозить покупателям. Детали для пилорамы почти все были из дерева. А с маятниковыми пилами для распиловки и кромления возникли проблемы: таких попросту не делали. Смычковые, конечно, были, но нужны-то были другие. Пришлось-таки наступить на горло своей песне и приспосабливать то, что есть. Другое было просто невозможно пока.

К концу июня, с божьей помощью, все собрали и испытали. В июле пилорама заработала. Жуть, конечно. Все гремит и болтается. Точность мне только снилась, но ведь работало! Все доски уходили в казну. Считать здесь умели, а наши были значительно дешевле, потому стоять лесопилке не приходилось.

В связи с расширением, производство самоваров перенесли в Тулу. Во-первых, это крепость и довольно сильная, да и полк там был не маленький. Ежели что, есть кому мои начинания защитить. К тому же кузнецов там достаточно, только не все шли на мой завод. Стало ясно, что на новом заводе тоже надо ставить паровую машину. Он же будет их и производить. Ко всему прочему, там и железо добывали, а у меня к нему особый интерес.

За весну и начало лета отстроили кирпичный завод и глинитное производство. В сущности, эти производства похожи, только кирпич формуется, а для глинита это не нужно, да и обжигается он при меньшей температуре. Благо, глина была неподалеку.

– Вот неуемный! Приказал бы просто, и навезли бы ему кирпича, сколь надобно, ан нет. Подумаешь, пообещал он! Обещать – не жениться! Теперь вот упирайся, делай этот кирпичный завод! – возмущенно проговорил Прохор.

– Такова твоя доля. Сам соглашался нянькой великому князю стать. Не неволили ведь. А слово государево крепко. Он малец еще, а понимает, – проговорила в ответ Таисия.

– Да разве ж против? Токмо я должен за ним следить, а приходится за его придумками. Вот и его матушке грамотку отписал, чтобы прислала еще людишек, да посмышленей. А то с ума ведь сойти можно от его задумок.

– Чего тогда ворчишь, как дед старый?

– Хорошо тебе… – начал было он, но увидев в дверях меня, покраснел.

– Значит, не нравится тебе мой завод?

– Как не нравится? Хороший, ладный.

– Чего в нем хорошего? Нет ведь ничего еще.

– Раз по повелению государеву, обязательно хорошим будет.

До чего же верткий, не ухватишь, обязательно выкрутится. Однако же проблемы при строительстве были.

Как сделать печь для обжига кирпича, я ведал. Роется яма, и выкладывается она, опять же, сырцом. Всего таких четыре: именно столько нужно для практически непрерывной работы. Неделю на обжиг, столько же на остывание, остальные две на закладку и выборку кирпича, чистку от шлака и подготовку к новой закладке. Вместе с первой партией кирпича она и обжигается. Одна

укладка 75 000 кирпичей, четыре печи в месяц, итого за сезон небольшой такой заводик дает более 1 000 000 кирпичей.

Красиво? Вот и я думал так. Одна проблема: режим протопки знал хорошо, а вот о том, как правильно укладывать кирпич в печь для обжига – только в теории. Это, между прочим, чуть крест не поставило на всей затее. Еще до начала строительства пробовали выкладку сырцом делать, на ровной площадке – естественно, не я. Непростая оказалась задача обеспечить четыре требования к ней: чтобы и колодцы были для угля, и горячим воздухом кирпич со всех сторон обдувало, да входило как можно больше, ну и при этом тяга сохранилась.

– Это чего это строят?

– А шут его знает, но споро кладут.

– А может, что нужное?

– Вряд ли, не разбирали бы тогда.

– А чего тогда стоишь?

– Так интересно же! Смотреть, как другие работают.

Да, на это можно было смотреть бесконечно, как на воду и огонь, так что зевак всегда хватало.

Вот тяга меня больше всего и смущала. Пока не построишь, не узнаешь. Потому и вариантов закладки было несколько. Правда, все оказались непригодными. Про самое-то важное и забыл. Помнится, включали тогда, на колхозном кирзаводе принудительную тягу. Но это потом я про нее вспомнил, а сначала построил все точь-в-точь как помнил. Только вот не хочет топиться печь, и все тут! Да что же за едрить-колотить! Не сразу вспомнились походы дядьки к кнопке включения дымососа. Хорошо хоть, память услужливо подсказала его же рассказ о том, что раньше такой ерунды не было, а просто труба высокая стояла.

М-да, сделали-то топками друг напротив друга попарно, и все четыре рядом. Истопнику, конечно, так удобней, но в таком случае две трубы строить надо, а

кирпича и на одну нет. Переделывать все пришлось, чтобы все четыре к одной трубе привязать. Система заслонок позволяла подключить ее к любой из печей на выбор. Переделать-то переделали, только кирпича больше не стало, класть трубу было по-прежнему не из чего.

Спасло глинитное производство. Печи там сделали небольшими и полностью закрытыми. Вот там и отжигали первые кирпичи. Труба стала заметной достопримечательностью. Таких высоких строений в округе не было. Может, и можно было пониже, но как вычислить эту высоту, я не знал, и потому волевым решением она стала двадцать полусаженей.

– Видал ту штуковину, что на новом казенном заводе построили?

– А как же. Непонятно для чего, но дура знатная.

– Говорят, дым в нее пускать будут.

– Это еще зачем? В чем польза-то? Лучше церкву новую поставили бы.

– Думается, чтобы дымила до самого неба. Завод-то великокняжеский, знать, и дымить должен по-особливому.

– Да уж, наверно, так оно и будет.

Наконец печи стали топиться. Но выяснилось, что то ли режимы я запомнил неточно, то ли кладка другая, не суть важно, а пошли пережоги и недожоги. Годного кирпича – курам на смех. Вот все это и обеспечило загрузку водяной мельницы после ее запуска. Первый глинит-цемент был не из глинита, а из накопленного к тому времени кирпичного брака. Но метод научного тыка не подвел. Производство отладили, но уже ближе к августу.

Наделали там соломенных навесов для сушки заготовок кирпича. Навезли глины с запасом. Не мы, а опять напрягли мужиков. Вся округа возила на подводах. Весь кирпич ушел в Москву на постройку Китайгородской стены.

Для получения глинит-цемента нужны были еще гашеная известь и немного гипса. Производство извести тоже освоили, в районе Коломны, но это позже.

Гашеную известь привозили на кирпичный завод уже готовую, сначала покупную, а потом свою. Гипс же недалеко от Москвы добывали. Его надо было совсем немного, так что он проблемой не был.

В итоге все компоненты измалывали на мельнице заработавшего к августу водного колеса. А кирпича негодного накопилось уже уйма, делать не переделать. Получившийся порошок был весьма неплох, за неимением портландцемента, но для получения его, в отличие от второго, требовалось гораздо меньше топлива. Все пошло на Москву.

Постройка крепостных стен буквально высасывала стройматериалы.

– Великий княже! Тут такое дело. Стекло делают здесь, недалече. В московском уезде, – проговорил Никодим, один из новых розмыслов, присланных Глинской в ответ на грамотку Прохора.

– Ну-ка, ну-ка! Поподробней.

– Делают бусы всякие, глазурь… Еще под Новгородом такое есть.

– А стекла для окон не делают?

– Чего нет, того нет, дорого сильно.

Интересно, дорого – это сколько? Заморское вон, пожалуйста, хоть и действительно дорого. Получается, что здешнее стекло дороже завозных? Что тут за производство-то? Узнать не у кого. А он продолжает вещать, степенно так. Ой, я чего-то уже пропустил. Ого, ну и цены!

– А подешевле никак?

– Везде так. Ежели у стекольщиков, то оно, конечно, дешевле будет.

– А ежели завод самим поставить?

Ответа на такой вопрос он не знал. Ну что, голубчик, как говорится, инициатива у нас наказуема исполнением. Там теперь и у меня есть завод. Я его не видел, но

говорят, что не хуже, чем у остальных. Интересно, каких это остальных, и сколько их?

Основное свое производство стекла решил сделать на речке Гусь, что между Владимиром и Переяславлем-Рязанским. Почему-то же его там наладили, если память мне не изменяет, а рисковать не хочется. В общем, дал я такой наказ, чтобы подыскали место в том районе. Правда, тогда не понял, почему это такое недоумение вызывает.

Если бы не моя мать, вернее люди, которых она посылала исполнять мое баловство, ничего бы этого не было. Она же решила расширить мое производство кирпича и глинит-цемента, построив за счет казны еще нескольких таких заводов по всей стране. Они становились вроде как моими, а я рассчитаюсь материалами, тем более что столько городов нуждается в укреплении. Вот поляки и литовцы удивятся, натолкнувшись в пограничных городах на новые кирпичные крепости!

Весной этого года начались стройки, несмотря на смерть моей матери. Все это уже работает. Стена Китай-города закончена. Казна на мои придумки тратить деньги не желает более. Но я уже так не переживаю. В Туле запущен в работу еще один паровик: он там приводит в движение кузнечные молоты. Это, правда, не совсем то же, что паровые, вернее, совсем не то, но все же.

Самовары пошли на поток, правда, небольшой такой. Для большинства они по-прежнему недоступная роскошь. Но у многих появилось стремление завести и себе такой, потому как это стало признаком достатка. Зажигалки тоже не потерялись. Семь заводов по производству кирпича и глинит-цемента уже окупились и вернули потраченные на них деньги. Построены еще несколько лесопилок, только уже с приводом от водяного колеса, в том числе и под Новгородом. Строился и бумагоделательный завод.

Из-за появления целой кучи производств, требующих уголь, проблема получения древесного угля встала очень остро. Благо я помнил, как мой двоюродный брат решил заняться бизнесом. Бизнес был не хитер. Своровать в лесу березы на дрова и нажечь с них древесного угля для шашлычных.

Устройство печи примитивнейшее, но для этого времени дорого. Она нужна из железа и состоит как бы из двух топок. Одна обычная, вторая глухая, где,

собственно, без доступа воздуха и получается уголь. Еще ее надо обмазать глиной, и потолще, чтобы меньше тепла терять. Можно и так нажечь, но выход угля невелик получается.

Вроде все просто, а попробуй сделай ее в кузне. Дорого не то слово, но без этих печей никуда, во всяком случае, я так думал. Но вокруг меня далеко не все разделяли эти взгляды. В основном использовали сильно упрощенные варианты. Железа всего одна пластина и нужна была, а все остальное из глины. Почему сам не подумал, не знаю, но розмыслами не за зря становятся. Первые печи ставил на пилорамах. Там много опилок и других отходов, которые можно пустить на протопку. Это оказалось не везде удобно. Пришлось во многих местах основывать углежоговое производство.

Глава 4

Сейчас мои проблемы конца 1538 года кажутся смешными. Мне уже одиннадцать лет, и заканчивается 1541 год. На самом деле он уже закончился, ведь здесь новый год с 1 сентября начинается, и сейчас по факту 1542 год. Это я все по привычке отсчитываю начало с 1 января. Шутка ли, но только при Иване III, тоже Грозном, в Великом княжестве Московском стали вести календарный отсчет на государственном уровне.

Забавно, но это был лунный календарь. Новый год отмечался с началом весны, как, впрочем, и много веков до этого. Надо учитывать, в какое время все происходило. Это момент подъема государственности. Такой календарь стал проблемой, по нему же вели отчет и татары, окончательно принявшие к тому времени ислам. Если учесть, насколько была ожесточенной борьба, то не удивительно, что мы отказались от него и перешли, как люди православные, на солнечный, юлианский. Тогда и сдвинулся Новый год на первое сентября, хотя отсчет все равно продолжили вести от сотворения мира – оно солидней как-то.

– Да когда же это кончится. Трофим! Закрой ставни, что ли.

М-да, слюдяные оконца – это совсем не застекленные. Сквозняк, блин! Новая печь, голландка, не спасает. Первую собрали только летом 1540 года, теперь вот красуется у меня в спальной избе. Получился первый чугун. Из него и отливать

стали все необходимое. Если честно, то на мои «чудачества» смотрят косо, но не мешают. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Похоже, печь признали уже не баловством, бояре стали наведываться и как бы невзначай интересоваться, как бы такую и себе приспособить. Тонкий такой намек на толстые обстоятельства. С отоплением в Кремле проблемы. В той же Грановитой палате зимой такая дубочина, что жуть. Я-то все думал, смотря фильмы, зачем бояре в тулупах там парятся? Ага, парятся они: как бы не околеть!

Наконец пришел Трофим, что-то бурча себе под нос. От закрытых ставен в комнате сразу потемнело. Мог бы и сам закрыть, но помаленьку вживаюсь в роль. В том, что дует, по большей части сам виноват. Не трогал бы окошки, не дуло бы. Нет, надо посмотреть, что там на улице! Не откроешь, не увидишь. Слюда только свет и пропускает. Сквозняк явно уменьшился.

«Вот на кой ляд перенесли начало года?» – вернулись мысли в привычную колею. Самый период страды, какие, к черту, праздники? Так 1 сентября и не стало им. Неудивительно, что прижился только праздник, сдвинутый на 1 января. Зима, время отдыха, почему бы и не попраздновать! Старый праздник, кстати, отмечали с размахом и без понуканий, да и в XXI веке тоже. Только это называлось проводами зимы. Вот такие выкрутасы.

Потому и мне не хотелось его замечать, а подсознательно отсчитывал, как привык. Хотя если честно, зимой можно обойтись и рождеством, лучше все-таки вернуть его на 1 марта. Все равно ведь отмечают. А все церковь. Борется она, видите ли, с языческими традициями. Со здравым смыслом она борется. И ведь ничего не сделаешь, реальной власти нет.

Завтра Рождество, кстати. Настроение предпраздничное, и, кажется, ничто его не может испортить. Чтобы так стало, очень много пришлось сделать. Перемены, пришедшие со смертью Глинской, пугали, но человек и не к такому привыкает. Вот и я приноровился. Все не так страшно оказалось, как думалось в 1538 году.

– Батюшки-светы! Не иначе, чего приключилось! – перекрестившись, воскликнула Таисия.

– Чего там? Чего молчишь? – это уже я к ней пристал.

М-да, начинаю заборзевать. Сам уже ничего, почитай, и не делаю. Вот и сейчас послал ее посмотреть, чего там во дворе собаки так разбрехались. А за окном тем временем стал раздаваться визг. Видать, животинкам досталось за особую ретивость.

– Там бояре и другие видные люди московские, а воев до края.

– Откуда они здесь? Ты чего несешь? Неужто войной куда собрались? – проговорил я, сорвавшись с места, и устремился к окну.

Народу было и впрямь море. Подозреваю, что сюда, в Коломенское, отродясь столько не захаживало. Из группы бояр вышел один и направился в сторону крыльца. Хм, а в рядах бояр-то единства не наблюдается… Вон как иной раз друг на друга зыркают! Ох, чего это я! Подхватившись, вернулся на свое место. Вовремя: в низкую дверь прошел, скорее, протиснулся, человек невысокого роста, в котором трудно было не узнать князя Василия Шуйского. Круглое его лицо не могло скрыть следы решительности и властности. Тяжеловато было ожидать другого выражения от первого думского боярина, фактически главы думы – ведь именно ему было передано регентство по завещанию Василия III, и только решительные действия Телепнева-Оболенского позволили оттеснить его от власти в тот момент. Молодой князь фактически совершил тогда переворот в пользу Глинской. Но даже его решительности не хватило, чтобы свалить такого гиганта. А трепаться языком Шуйский не любил, предпочитая действовать. Еще вчера, после смерти моей матери, посадил своего молодого недруга в темницу и буквально в несколько часов вернул себе власть.

– Государь, вчера в два часа пополудни матушка твоя скончалось. Неотложные дела государевы требуют твоего возвращения в Москву, сей же час. – поклонившись, проговорил он, держа высоченную боярскую шапку в левой руке.

«Как же так? Я же тут… Блин! Ну почему?» – носились мысли в моей голове, а на лице отразилась растерянность.

Увидев это, няньки мои решили помочь в принятии правильного решения.

– Государь, собираться в путь-дорогу вам пора! – проговорили они хором, упав на колени.

Как будто у меня был выбор! Все, расслабуха кончилась: больше прикрыться было некем. Шуйский же молчал и просто наблюдал за моей реакцией. Недаром его «Немым» прозвали, лишнего слова не скажет. Оно и спокойней так, в опалу попасть не за что. Но из рассказов воевод я знал, что за ним не заржавеет. Когда поляки окружили Смоленск, он перевешал всех заподозренных в сочувствии к ним. Гуманист, одним словом. Может, только поэтому удержали Смоленск в прошедшей войне с Литвой.

Сборы мои были недолгими, но суета в тереме поднялась до потолка. Трусил я страшно. Неизвестность пугала, и только собрав всю свою решимость в кулак, я продолжал двигаться. Лицо мое как будто иголочками кололи. Выражение отрешенности так и застыло на нем.

Дальше все пошло рывками. Такое чувство, что большую часть происходящего просто стерло. Вот высокое крыльцо, на которое мы вышли из терема. А вокруг сотни человек в поклоне, а кто и на коленях. Вот едем в повозке в Москву. И только затемно уже въезжаем в сей город. А вокруг никого знакомого. И нянек, и Венюкова с воинами не было. Все новые вокруг.

Вот таким мне запомнился день 5 апреля 1538 года от Рождества Христова.

– Слушай, Прохор, а чего мы сидим? Давай крепость построим! А может, две или три.

Как бы его ни удивляли мои предложения, но привычки перечить им у него отродясь не было, да так и не появилась. Зато она была у другого человека, который действовал, правда, мягко и ласково, скорее уговорами, но ведь супротив.

– Государь, может, ну его, эти крепости? Сегодня же Сочельник. Праздник-то какой наступает. Пойдемте лучше в церковь, помолимся, – постаралась направить меня на путь истинный Таисия.

Да! Мои няньки вновь при мне. Как ни странно, вернуть тех, к которым уже привык, оказалось несложно. Правда, они тогда были одни из многих, а вот сейчас уже единственные.

Вражда двух родов Шуйских и Бельских, постоянно борющихся за власть, позволяла иметь некоторую самостоятельность – правда, только в своих делах, а в государственные дела ни-ни. Мне, собственно, страной рулить и не хотелось, но без меня ничего формально не делалось. Приходилось подписывать всякие указы, таскаться на приемы. Муть, одним словом.

Не сразу и разобрался в хитросплетениях местной политики. Вроде в думе все бояре, а кто тут кого, тот еще вопросец. Ко всему прочему, вокруг стал крутиться посаженый Глинской, но вновь оказавшийся на свободе князь Иван Бельский. Подозрительный тип, хоть из себя чуть ли не святоша. Да и родственничек его доверия к нему не прибавлял.

Нет, конечно, мир не без уродов, но этот фрукт был тем еще перцем. Ладно бы просто сбег в Литву, ан нет. Масштабная личность оказалась. В смысле губозавертательной машиной обойтись уже было нельзя, минимум комбайн. Он мечтал не только о княжестве Бельском, но даже и о Рязанском, и для возвращения себе этих отчин хлопотал в Литве, Константинополе, Крыму. Ладно бы просто хлопотал, а то ведь и приводил вражеские войска на Русь, но об этом позже.

В общем, князь этот стал крутиться вместе с Михаилом Васильевичем Тучковым, прощупывать почву, так сказать. Советы там всякие мне давать. Я же только глазами хлопал. Ну, откуда мне знать было, поначалу, кто тут чего весит. Не в смысле килограммов, а влияния. Тем более няньки упор делали на Василии Шуйском. Явный протекционизм, не иначе, его люди.

В общем, нашли они себе приключений, когда стали проталкивать в бояре Юрия Михайловича Голицына, А Ивана Ивановича Хабарова – в окольничие. Нет, на их стороне был митрополит Даниил и дьяк Федор Мишурин. Так что они надеялись, что этого хватит. Только думать надо было, против кого пошли. А пошли они супротив Василия и Ивана Васильевича Шуйских. Про Василия хорошо представлял, что он просто так этого не оставит. Про Ивана знал же гораздо меньше, но подозревал, что будет не лучше.

На что же они тогда надеялись? Это, пожалуй, были ярко выраженные бюрократы. Упор они делали на процедурные вопросы, а конкретно – на указы великого князя Московского, то есть меня. Лестно, конечно, но я-то мало понимал во всем этом, точнее, совсем ничего. Думаю, что Шуйские решили это недоразумение с выходом из темницы Бельского исправить.

Бельского снова посадили в неволю, советников его разослали по деревням. Знатные враги Шуйских подверглись только заключению или ссылке, зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Шуйские захватили Мишурина на своем дворе, велели княжатам, боярским детям и дворянам ободрать его, нагого положить на плаху и отрубить голову, без государева приказания.

Возмущение у всех вызывал не факт отсечения головы, а то, что без моего позволения. Странной была эта попытка захвата власти. По мне, совсем не так надо было действовать. Решительно, в первую очередь, нейтрализовав противную сторону. Но это было личное мнение, которое и осталось при мне. Говорю же, какой-то он малахольный, этот Бельский.

Понятно, покочевряжился тогда немного, чисто для проформы. Слегка возмутился казнью Мишурина. Из-за этих моих нескольких слов Василий наградил своего брата довольно злым взглядом. В общем, мой прозрачный намек на моих нянек выполнили мгновенно, так что я решил заткнуться и замять тот инцидент. Вот так Прохор и Таисия снова оказались в моем окружении. Правда, другие няньки никуда не пропали, ну и шут с ними.

– Мя…ууу! – раздался истошный крик кошки из соседней комнаты.

А потом что-то загремело, и кто-то смачно высказался о том, что он думает об этом свете. Света в соседней комнате действительно не было: там все ставни были закрыты. Попадал он туда из нашей комнаты, через немного приоткрытую дверь. А у нас тоже серьезный полумрак. В общем, тьма там была. Голос-то был знакомым. Зуб даю, Михайло Венюкова принесла нелегкая!

Мимо пронеслась перепуганная мурка.

– Мурка, кис-кис… Ну чего ты напугалась? Кис-кис… – попытался остановить я ее.

На призывы она отреагировала и, остановившись, уставилась на меня зелеными глазищами. Постояла так немного и потом, решив что-то про себя, гордой походкой направилась в мою сторону. Наконец она улеглась у меня на коленях и довольно заурчала. Еще бы, ведь ее гладили, а это дело она любила. Появилась

она у меня с легкой руки митрополита Даниила.

Вот не думал никогда, что власть – это так муторно. Хоть и можешь приказать все что угодно, но это не факт, что будут исполнять. А как узнать, что будут? Реальная власть у Боярской думы. Кто ее глава, тот и у руля. Я был статистом в этом спектакле. Стоило только проявить хоть малейший интерес, меня тут же пытались отвлечь на что угодно, чтобы и думать забыл.

Сопротивляться не стал и отвлекался, как мог. Поначалу это, конечно, вызвало нездоровый ажиотаж, но вскоре все успокоились. Разные ведь игры бывают. Ну, а раз я великий князь, то игры у меня великие. На том окружение и порешило и перестало вмешиваться, но и помощи не было. Вот тут-то и стало понятно, чего на самом деле стою, хоть и государь. М-да, один в поле не воин. Невеселые мысли никак не хотели выходить из головы.

С истории помнил, что вначале чугун случайно получили в кричной печи. Там было дело в большей задувке воздуха вроде. Раз так, то дело плевое! Ага, счаззз… Типа великий князь и все такое, деньга имеется, осталось плюнуть и растереть. Потому и решил по-быстренькому сбацать такое производство в Туле. Вот перед таким очередным своим творением сейчас и стоял. Это, кстати, четвертый вариант печи, в которой надеялся-таки получить чугун. Что-то похожее, кажись, получалось, но мало и недолго – домница начала разваливаться.

А что вы хотите, обычный кирпич на такие страсти не рассчитан. Нужен другой, огнеупорный. Только нет его. Даже глины для него нет, искать надо. А кого этим озаботить? Может, дело не только в кирпиче, но и в конструкции самой печи, хотя вроде ничего там мудреного нет, но кто точно знает? Как же мне не хватало тут Прохора, с его наглой, с хитрым прищуром глаз, морды лица! В том-то и проблема, что приказы мои исполнялись точь-в-точь, но я-то абсолютно точными знаниями не располагал. Вот и на это производство нужен был человек, которому тоже было бы интересно.

Нет, если бы поселился тут, в Туле, то в конце концов добил бы эту хрень, но бывал наездами, а потому и получалось то, что получалось. Нужно было искать людей, которые бы занялись всем этим серьезно. В окружении никого, кто был готов перетруждаться сверх меры, не находилось. В общем, больше никого, кому

бы мог доверить свои игрушки, я не знал. Как нельзя кстати тогда обострилась борьба между Шуйскими и Бельскими. Как же я обрадовался возвращению своих нянек! Вот, в общем-то, так бестолково и прошел 1538 год.

Думалось тогда, что наконец все затихло, да вот и нет. Вскорости князь Василий Шуйский умер, и ему на смену пришел его брат Иван. История с Мишуриным, которая уже стала забываться, вновь вышла на первый план. Нехороший был прецедент. В думе, среди бояр, вновь вспыхнуло глухое раздражение. Оно бы, может, и забылось совсем, но, опьяненный фактически абсолютной властью, Иван начал, по понятиям местного бомонда, беспредельничать.

В отличие от него, Василий поступал правильно: разогнал противников, подмял власть под себя и стал править, как считал нужным. Тем же, кого не тронул, намекнул так прозрачно, что ежели воду мутить и дальше будут, то уж извиняйте. Потому и успокоилась буря в стакане.

Ивану этого было мало. Ему обязательно нужно было показать свое превосходство, причем вещественное. Если для Василия был какой-то порог, через который он не стал переступать, то его брат такой ерундой не заморачивался. Василий из врагов своего рода оставил нетронутым митрополита Даниила, Иван же его свергнул, на освободившееся место был возведен игумен Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф Скрыпицын в феврале 1539 года.

Мы в очередной раз тогда только вернулись из Тулы. Прохор вновь клялся, что вот в лепешку расшибется, но найдет нужного розмысла, а то и двух. Я ему почему-то верил, наверно, потому что лицо у него честное. Вернулись, а митрополит уже другой. Непорядок это. А от Даниила осталась только подаренная Мурка, тогда совсем еще котенок. Эх…

– Ты почто животину чуть не убил? – обратился я к вошедшему воеводе.

Он с недоумением уставился в ответ, а потом на лице проступило явственное: «Никого вроде сегодня еще не прибил, но тока прикажи – сей момент».

– Да никого убивать не надо! Я про Мурку. Ты знаешь, какая вира за нее! – проговорил я, поглаживая предмет разговора.

Понимание на его лице появилось, но промолчать оказалось предпочтительнее. Бывали прецеденты. Откроешь рот, а нарвешься на мою лекцию о ценности и полезности сего зверя. Церковники это давно поняли и продавили в свое время огромную виру за их кражу. Она была как за рабочего вола.

Откуда-то из угла раздался писк. Это проснулся один из шести пушистых клубков. Мурка, естественно, сорвалась и понеслась к своим чадам. Они толком еще не ходили, но на мир уже смотрели широко распахнутыми глазами. Она окотилась не в первый раз. Одного котенка из первого окота я подарил своим нянькам. Столько не от жадности, они теперь одна сатана. Это оказался кот и вырос наглющим, стараниями Таисии.

1539 год принес много перемен. Не только незаконное свержение одного и возведение другого митрополита Иваном Шуйским. К слову сказать, Прохор-то обещание выполнил и нашел-таки розмысла. Звали его Федор Савин, и был он средним сыном помещика под Устюжно-Железопольским, из Угличского уезда. От него-то я и узнал с удивлением, что в тех краях железом занимаются зело и мастеров оружейных имеется много.

Взялся он за эту мою задумку всерьез. Даже куда-то ездил. Только за лето 1539 года было построено одиннадцать домниц. Чугун никак не давался.

– И как, скажите, его случайно получили? – воскликнул я в сердцах однажды.

Его никак специально-то выплавить не удавалось. Уже думал, что все, писец котенку, но Федор упорствовал и клялся, что все путем.

– Чушки вона какие отменные! – начинал он доказывать, демонстрируя блины, извлеченные из разрушенных домниц.

По ним, кстати, и определились с высотой расположения отверстий летков. И опять не сразу. По совести, чугун-таки получался, и даже первые отливки были. Но, как уже упоминалось, мало. Однако процесс почему-то завораживал нашего розмысла, да и не только его, притом что сам чугун никого не удивлял, вот что меня приводило в недоумение.

И вот уже осенью, перед самыми холодами, из Тулы прискакал гонец. После прочтения грамотки я сам чуть туда не улетел, но великий князь за здорово живешь не может сорваться с места по своему желанию. Второй день мне душу выматывал Иван Семенович Пересветов. Он много лет служил в различных европейских армиях, был дипломатом. После встречи с русским послом в Молдавии решил стать российским подданным и в 1539 году переехал в Москву.

Он, по его собственным словам, выехал в Россию с Запада потому, что услышал пророчества «многих мудрецов», что царь будет вводить «во всем царстве своем правду великую», а сам хотел при этом «за веру христианскую и за честь государеву пострадати и главу положити».

«И зачем только согласился с Таисией послушать сего мудрого человека? Очередной страдалец за правду», – думал я поначалу, но по мере того, как вслушивался, стал просто диву даваться.

– Бог не веру любит, а правду, ибо и бесы веруют, но правды не творят… – проговорил Пересветов не в первый раз: видно, выражение ему нравилось.

– А пойдешь ко мне розмыслом?

Правда, солидно не получилось. Голос-то детский. Но как говорится, молодость – это такой недостаток, который быстро проходит.

– Напишешь все на бумаге, а мы думать будем.

Иначе, чувствую, это так просто не кончится. Мое предложение его сбило. Забавно наблюдать зависание. Совсем не готовился он к такому неожиданному вопросу. Да и не собирался я этого делать, но грамотка подняла настроение. Охота было совершить что-нибудь хорошее.

– Прохор, ну что, возьмем сего достопочтенного мужа Ивана в великокняжеские розмыслы?

– Почему же не взять, коли человек хороший.

Надо сказать, что палата, в которой заливался соловьем Пересветов, была большой, и народу находилось в ней еще много. Другие няньки никуда ведь не делись, но как-то уже все привыкли, что разговоры веду только с Прохором и иногда вмешивается Таисия. Попытки остальных влезть пресекаю на корню: толку-то от них, во всяком случае, с моей точки зрения! Как-то привык их не замечать, вроде как нет никого. А вот он-то не знал такой местной особенности и стал оглядываться, пытаясь понять, не шучу ли с предложением.

– Ты не сомневайся, слово государево крепко. Оформим как положено, а сейчас ступай, – направил его в конструктивное русло мой нянька.

– Прохор, тут такое дело, чугун получили. Почти две седмицы лили, руда кончилась. Ты понимаешь! Эх! Слушай, ты у нас холостой? – радостно продолжил я, когда, наконец, посетителя выпроводили.

– Э… Да.

Недоумение читалось на его лице: причем тут этот чугун и его семейное положение?

– Вот! Таисия тоже не замужем! Завтра вас и поженим, и свадьбу сыграем!

Только вскрик его будущей жены нарушил неожиданную тишину, внезапно установившуюся вокруг. Я всегда говорил, что шок – это по-нашему.

– Не губи! – проговорил он, упав на колени.

– И не буду! Вы отличная пара!

Вот тут и завертелось. И только тогда я узнал, что Прохор имеет фамилию Мышецкий и князь между прочим, а Таисия Темносиняя, да-да, ничего не путаю, соответственно, княжна, да и вообще все мои няньки из знатных родов. Вот же… Все равно хорошо погуляли! Выехали мы в Тулу в итоге не сразу. Кстати, эта, мной устроенная свадьба немного снизила напряжение, словно бы разлитое по территории Кремля. Действия Ивана Шуйского изрядно поднапрягли многих, меня в том числе.

В Туле же меня поджидал сюрприз. Печь, в которой наконец достаточно стабильно стали получать чугун, была из белого кирпича. Прямо-таки вызывающе. Вот тогда я впервые здесь услышал слово «Гжель». Глину привезли из местности с таким названием, которая располагалась на Касимовской дороге. Это, кстати, была одна из причин, по которой я впоследствии постарался вернуть контроль над теми местами. Глина эта все равно была не огнеупорной, но жар держала лучше. Мысль же начинать делать свой фарфор поселилась крепко, хотя я и понимал, что пока это превратится во что-то стоящее, пройдет немало времени. Не было ведь ни знаний, как толком его делать, да и мастеров не было.

На тот год эпопея с чугуном закончилась. На следующий же было решено строить завод из кирпича рядом с плотиной, чтобы задув воздуха механизировать. Домницы же будут внутри него. Хотя перестройки и новые варианты их продолжали появляться, но в 1540 году чугун таки стали получать стабильно. После постройки отражательных печей много чего стали лить, но это другая история.

– Вот послушай. Дело такое. Хочу крепости построить. Две али три.

В комнате повисла пауза, поскольку я выжидательно уставился на воеводу. Он, однако, на подначку не повелся и продолжал стоять молчаливым истуканом.

– Чего молчишь, как в рот воды набрал? Советуй давай.

– Э… – начал он, сверкая взглядом в сторону Прохора.

Тот сам пока ничего не мог понять, потому и подсказать был бессилен.

– Эх! Ладно, слушайте тогда. Повелеваю тебе, Михайло Венюков… и тебе, Прохор… хотя нет, только тебе, Михайло, построить три крепости снежных, аккурат промеж Кремлем и торгом. Да горок разных, для увеселения. Сроку тебе до завтрашнего утра, – указав на воеводу, продолжил я.

Тут уж растерялись все. Ничего такого пока тут не было.

– Чего уставились на меня, как на Христа-спасителя? Завтра будем там праздновать Рождество. Одну крепость построят вои твои, вторую доверим москвичам, а третью людишкам боярским. Кто лучшую построит, да лепую самую, тот и получит награду от великого князя Московского и всея Руси.

– Чем я провинился перед тобой, государь?! – возопил Михайло, упав на колени.

– Успокойся, ничем. Срок и правда маловат. На первый раз сойдет и так, как получится. Дальше будем делать это каждый год. Так что пишите указ. Ты бы, воевода, с коленочек бы встал да лучше подумал, как снег возить туда будешь.

Уходил он от нас расстроенный. Что за психология? Если работу какую доверили, так будто потому, что обязательно провинился чем! И ведь повально так вокруг. Только бы благ каких получить. Встречаются самородки, конечно, навроде Прохора. Хм… если честно, довольно часто, но все равно, норовят шлангом прикинутся, пока к стенке не припрешь. Вот и воевода, ведь знаю, что сделает, но обязательно попытается ужом выскользнуть.

– Так, теперь ты, Прохор. Задачу тебе выполнить придется ответственную. Привезешь к крепостцам этим ель зеленую да пушистую. Саженей пять, никак не меньше. Ставить будем да украшать. Точно! Трофим…

Было это в том же 1539 году. С чугуном тогда не ладилось, но и сильно он меня не напрягал. А сделать хоть что-то, что обязательно получилось, хотелось. Вот и задумал сделать станок, строгальный. Многие по наивности думают, что самый простой – токарный. Если по дереву, особенно если с поводковым патроном, то, конечно, правы. В принципе, он и по металлу работать может, но есть одно но… О каком-то качестве можно тогда забыть даже в теории. Если вам какую деталюшку в единственном экземпляре надо, и особо требований к ней нет, то можно и на таком. В этом случае станок и из дерева сделать можно, одноразовый, правда. А вот если десять и одинаковых, то вам не сюда. Нет, вы не подумайте, я не сноб какой, такие уже сделали, черенки для лопат точить самое оно, да много для чего нужны были круглые ровные палки. Шкурили их здесь на раз. Обыкновенным мокрым песком на тряпочке. Может, и не так хорошо, как наждачкой, однако дешево и сердито. Могли и прижечь, ежели хорошо попросить. Одно слово, занозы проблемой не были. Главное – материал подобрать хороший, а не из чего попало делать.

Причем сделали без меня, эту механику тут знали. Серьезный же токарник требует соответствующего подхода. Нет, если делать в единственном экземпляре, то можно и так. На самом деле это все отговорки, почему сделал строгальный. Все возможно при правильном подходе. Это ежели кого удивить там, похвастать. Самая дорогая и трудозатратная часть в любом станке – это станина. А уж сколько времени требуется на ее обработку… Срок ее изготовления измеряется годами. Именно поэтому уникальные станки заказывают задолго вперед. У меня все станки будут такими, правда, стали еще нет. Так что первые делать придется из бронзы. Ничего странного, и металл мягче, и вообще в наличии. По-хорошему, после отливки станину нужно вытащить на улицу на год-полтора. Как ни отпускай металл, но напряжения никуда не пропадают. Вот, чтобы уже при эксплуатации станка его не скрутило в спираль, станину и бросают стареть.

Только по-хорошему я все равно не смогу. Дело в точности знаний. Последний человек, который знал все, умер в Элладе. Учиться надо это делать, да и не мне, а розмыслам. Хорошо, если при моей жизни смогут. У строгального станка кинематика простейшая: по сути, кривошипно-шатунный механизм. Весь секрет в механизме отскока, чтобы резец, совершая обратный ход, не бился о деталь. Но история началась не с этого.

– Так, стекла мне надобно пудов тридцать аль сорок, – обратился я к Никодиму Прохорову, тому самому розмыслу, который моим стекольным заводиком заведовал.

– Не губи! Не виновен я! Наветы это все! Истинный крест! – как-то сдавленно пропищал он, бухнувшись на колени и начав биться головой об пол при каждом поклоне.

Он и так-то был невысокого роста, а сейчас пытался буквально вжаться в пол, кланяясь и осеняя себя крестным знамением. Залысина на его русой голове покрылась потом. В чем дело-то? Чего его напугало-то? Неужто проворовался и никакого завода и нет?

– А ну говори – разворовал казенные деньги?

– Не… не… нет! – заикаясь, выдавил он из себя.

Тогда в чем дело-то? Прохор уже подскочил и кого-то зовет из-за двери.

– Завод стекольный есть?

– Д… д… – так и не смог он произнести заветного слова и только утвердительно закивал, часто-часто.

– Тогда почему ты не можешь привезти каких-то тридцать пудов стекла по моему требованию? Говори давай, а то ката сейчас пригласим, вмиг разговоришься.

– Н… н… нету столько, – выдохнул он, кое-как справившись с собой, все время оглядываясь на дверь.

Прохор, видимо, понял, в чем дело, и вернулся к нам. Интересно. Полтонны стекла много? Что там за завод такой, что ему столько сложно сделать?

– Точно есть завод? Не хуже, чем у других?

На это Никодим ничего не ответил, а только согласительно бухнулся об пол. А лоб-то у него крепкий, ишь, как доска загудела.

– Слушай, Прохор, может, ты понимаешь?

– Государь, не гневайтесь, вы обскажите, для чего стекло надобно, все найдется. Да иди ты отсюда! – проговорил он, выталкивая розмысла.

Плоскости. Вот для чего мне это стекло! Вернее, для того, чтобы сделать эталоны. Хотел-то по-быстрому. Видать, и это не получится. Именно из необходимости их получить и влез в его производство. Ожидать сверхприбылей не приходилось. Все упиралось в соду. Нет в России природных источников. Вся она из-за рубежа.

В мое время ее делали, пропуская нагретый углекислый газ через соляно-аммиачный раствор. Ладно соль, а где этот аммиак взять здесь? Есть способ проще: получать соду из мирабилита. Природные источники и почти неограниченные здесь есть, но для Московии они пока недоступны. Ближайший

– это Каспийское море, но за него воевать и воевать, не одно десятилетие. А ведь сода – это наше все, это и мыло, и краски, да много еще чего.

Пока же в стекло идет поташ, как я узнал. Но сода, по-местному «зода», говорят, лучше, однако кому она только не нужна! В общем, чтобы пробы какие начать делать, нужны бешеные деньги. И даже такое стекло не отличается дешевизной. За бусы стеклянные, видите ли, колонисты покупали у туземцев земли. Это там, в будущем, они бросовый товар, а здесь только самоцветы и злата разные дороже. Кто будет барахло с собой таскать! На обмен за тридевять земель брали самое компактное и дорогое.

– Нужны мне пластины стеклянные, размеров разных, с ручками. Понимаешь, Прохор… Задумал я сделать станков разных, для точенья, строганья, по металлам.

– Так прикажи, и мастеров найдем, и сделаем чего надобно. И стекла сколько потребно будет.

– Ну, может, и не столько, но понадобится. Станки-то особливые делать будем. Такие, что ни у кого таких покамест нет. Пластины эти непростые. Сильно ровными да гладкими должны быть.

– Все сделаем.

– Тьфу! И как ты сделаешь? Для этого приспособление особливое надо. Ванну железную. В ней растопить олово надо так, будто это вода такая. Стекло растопленное выливается на расплав и держится там при такой температуре, чтобы не застыло. И держится она так долго, пока все ровнехонько не растечется по ванне. Опосля в нее воткнуть надо ручки из бронзы и опять оставить, чтобы стекло, значится, выровнялось. Запомнил?

– Слово в слово.

– Чуть не забыл. Ручки те подвешивать на проволоку надо, чтоб не утопли и встали ровно, а не перекособочились. Промеж стеклом и оловом ровность такая будет, что и не описать вовсе. И вот чтобы ее сохранить, остудить все это надо будет, да не просто так. Чтоб стекло застыло, а олово-то жидким осталось. Вот тогда пластину полученную вынуть надо. Ежели ручек за раз много натыкано

было, то порезать ее на разные пластины раскаленным железом.

– А как узнать, все ли ладно с ними?

– Хороши ли они получились, выведать просто. Глянуть надо сбоку на них, чтоб свет падал, да так, чтобы вспыхнул он, как в зеркале. Только не на солнце так делать или свечу там, а просто свет из любого проема, хоть из дверей. Ежели вся пластина ровно вспыхнет, значит, хороша, а ежели точки какие темные будут при этом, то нет. Да лучше сюда привезите, сам посмотрю.

Эталон – штука сложная в производстве и портится быстро, но другого способа его получить я не знаю. Может, и есть, но мне-то неведом. Без него никак. Самые лучшие плоскости и в будущем делают старинным способом. Берется шабер, молоток и эталон плоскости. Много труда человека, и с помощью шабрения получается измерительный стол. Что такое шабер? Зубило знаете? Ну, вот оно и есть, только зуб не один, и он не рубит, а как бы царапает. Станина так и обрабатывается, для прецизионных станков. Все просто и очень трудоемко.

– А ежели пластины разного цвета будут?

– Все равно, хоть в полоску.

Прохор ускакал куда-то, а я остался один и вновь предался раздумьям. Не давал мне покоя поташ. Его же сейчас гонят за бугор новгородцы, а это, знаете ли, стратегическое сырье. Предстоит монополизировать внешнюю торговлю этого ресурса в руках государства. А все из-за пороха.

Кстати, с порохом сейчас нелады. В основе кальциевая селитра. Отсюда и малая мощность и отсыревание. Потому-то порох сейчас мякотью и его постоянно подсушивать надо, из-за чего и стрелковое оружие не в ходу. Для пушки подсушить не проблема, а стрелкам как быть? Но при всем при этом мощности производства на Руси пороха ограничивались нашей погодой. С килограмма земли с бурта у нас выходит лишь 2 грамма кальциевой селитры. Защищать бурты от влаги почти не имеет смысла. Растворяется такая селитра только в теплой воде. Где вы видели дождь с температурой в 40 градусов и выше? Больше сможем производить, лишь захватив южные регионы. Там выход продукта значительнее. Максимум, что мы можем произвести пороха в год

сейчас, это 300 тонн. На большую войну не хватит.

Конечно, в ямчужные бурты вместо извести можно добавлять древесную золу, и тогда получаться будет сразу калийная селитра, но вот она будет тут же вымываться. Останемся совсем без пороха. У нас не Индия, где из шести килограмм земли получают целый килограмм селитры и всего за два года. На Руси земля в буртах зреет пять лет, и ускорять процесс сложновато, зима, знаете ли, у нас бывает. Потому и надеялся на поташ. Благо его уже делали в промышленных масштабах, а посему я просто приказал переделывать кальциевую селитру в калиевую. В смысле указ написали, чтобы ямчуг переваривали с ним.

Но все равно по всему выходило, что для увеличения числа огнестрельного оружия придется снижать расход на выстрел, а значит, уменьшать калибр. Вот потому и затеял эпопею со станками. Нужны будут сверла, да не местные, а пушечные и ружейные.

– День добрый, великий княже.

О чем думал, сразу позабыл. Это Шуйский Иван вломился ко мне в светлицу, даже не испросив разрешения. Да и в приветствии скорее превосходство и пренебрежение. То, что по местному счету он повыше будет, да и родственник, пусть и дальний, его не извиняло. Хоть бы сделал вид, что я тут главный. Даже такой мелочью пренебрегал. Фактически абсолютная власть вскружила голову. Нет, когда народу вокруг было, приличия соблюдал, но стоило оказаться мне в одиночестве или обществе Прохора, то Ивана несло.

Прохор, по местным понятиям, почти никто. Род его не блещет знатностью и влиятельностью. Даже то, что близок к моему телу, его не возвеличило. В понимании власть имущих, главная его задача – развлекать великого князя, чтобы куда попало нос не совал. Он с этой задачей справлялся, потому и терпели. Робкие попытки наладить мосты через него я пресек на корню. По-прежнему все шло через конюшего. Вот где на самом деле были страсти. Им теперь был Челядин Иван Иванович, бывший моим воспитателем до отъезда из Кремля. Честно говоря, впечатления еще с раннего детства остались о нем не очень. Был он родственником князя Овчины. Тут родственные связи – это ого-го! Но почему-то все решили, что ему со мной легче будет решать вопросы. Ну, решили и решили, только бы ко мне не лезли.

– Как здоровье? Уж не занемог ли? Митрополит вот на тебя жалуется, почто на службы не ходишь? – продолжил он.

Просто так или с подтекстом его мое здоровье заинтересовало? Я с подозрением уставился на еду. Подозрение начало перерастать в панику. Блин! И никого из тех, кому доверяю, нет. Помирать отчего-то не хотелось. Какой, к едрени, порох! Честно, поначалу, думал уровень смертельной опасности снизился, вместе с кончиной Василия Шуйского. Шутка ли, после его финта со свадьбой он обрел прямые возможности на занятие великокняжеского престола. Яд в чай, ножик в грудь, шарфик на шею или табакеркой в висок – да мало ли естественных причин для смерти у великого князя. В таких условиях даже закоренелый атеист станет верующим.

Ошибался, ох как я ошибался! Хорошо, Прохор как-то между делом обмолвился об опасности иметь родственников, причем живых. Радовало только то, что брат мой меньший не совсем адекватен. В общем, списали его уже все в утиль и практически не занимались. Пришлось озабочиваться его судьбой. Но в случае чего это мне не поможет. Не поднималась у меня рука на него, чего не скажу о дядьях. Пока руки были коротки, и добраться до них не мог. Порассказывали мне истории про Василия Темного. Отстаивать право на престол совсем не хотелось, да еще с такими последствиями. Его ведь ослепили! Жуть!

Собственно, именно из-за Шуйских встал вопрос с моей личной охраной, подчиненной только мне и более никому. Свою армию нужно было создавать. Все это очень острые вопросы и с кондачка не решаемые. Как бы ни хулили Глинскую, но именно она держала в узде подобных деятелей. Во что бы то ни стало, но хотя бы территорию Кремля я должен контролировать полностью, ведь я не чувствовал себя в безопасности даже там. Желательно еще и Китай-город, но это как уж получится. Может, зря тогда Бельского не поддержал? Умудрялся Шуйский наводить на меня периодические приступы паники, что буквально отравляло жизнь.

Поэтому-то заход моих дядьев по поводу, что такие дела надо бы менять, упал на благодатную почву. А когда они привели с собой митрополита Иосафа, то, мягко говоря, это удивило. Что-то Иван неудачно сторонников выбирал. Когда же он заговорил про высвобождение Бельского из темницы, то чуть глаз не выпал. Но ситуация опять повторялась, я практически ничего не знал о происходящем вокруг. Нет, какие-то сплетни через Таисию узнавал, но женские интересы довольно специфические и не всегда по теме. Нужен был лазутчик в

стане врага. Вот им-то и стал Трофим. Человек, у которого все было хорошо, что бы ни происходило, и который знал обо всех и каждом, кто чем дышит. Еще говорят, что это женщины сплетницы! Как говорится, судьба.

Из-за двери выглянул Василий. Не, не человек. Так звали того самого кота. Вернее, появилась только его наглющая морда и с подозрением уставилась на меня. Я всегда при случае его гонял, но сейчас это было кому и без меня сделать. Разъяренный клубок шерсти, бывший еще мгновение назад Муркой, пролетел в его сторону со скоростью выпущенного из пушки ядра. А он что думал, тут котята. Чуть до смертоубийства не дошло. Бежать-то ему было некуда.

В общем, пока их разняли, вернее оторвали Мурку от Васьки, да выпустили того на волю, успел позабыть, о чем говорил, да и думал. Хорошо, взгляд наткнулся на кружку из обычной глины. Прямо скажем, не шедевр. С китайским фарфором близко не стоял, имелись у нас тут образцы. Да ни с чем пока наша керамика близко не стояла. Даже глазурью облить не догадались. Хотя зачем им, основные потребители – крестьяне. А вот изразцы и даже муравленые уже есть, а значит, ничего невозможного нет. Но пока, как говорится, видит глаз, да зуб неймет, ведь никаких других глазурей-то и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ezhov_konstantin/vremya-peremen

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить